

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (далее также автономный округ, Югра) – уникальный по уровню внутренних контрастов регион России. Различия социально-экономической ситуации между отдельными муниципальными образованиями Югры несколько велики, несколько иные зарубежные страны не отличаются друг от друга.

С точки зрения уровня освоенности, различий в специализации и транспортной доступности, местных различий в стиле жизни Югра напоминает Россию в миниатюре. Выделяется мощное ядро староосвоенной (в югорских координатах) территории в перекрестье Оби и железнодорожной магистрали на Уренгой. Здесь относительно плотная сеть городов, открывающая возможности получения экономических эффектов, описанных в классической экономике, основанных на экстерналиях близости экономических агентов друг к другу – агломерационный, кластерный, перетоков знания. От Нижневартовска к Нефтеюганску по Оби тянется цепочка сильных, конкурирующих друг с другом экономических центров, подобно городам Поволжья. Несколько оторванный от экономического ядра, вставший посреди болот Ханты-Мансийск напоминает Петербург – это не только административная, но и культурная столица округа; не случайно большинство югорчан считают именно Ханты-Мансийск самым интересным местом для посещения в округе. Березовский и Белоярский районы – очевидно, своя, югорская «внутренняя Арктика» – труднодоступная, но с мощными потенциальными запасами ресурсов; то же можно сказать и об удаленных частях Нижневартовского района. Кондинский, Советский, Октябрьский районы отличаются тем, что они, по сути, расположены в тупиках транспортных магистралей, ведущих из других, более плотно освоенных уральских районов – сродни Дальнему Востоку России. Это своего рода Дальний Урал, югорское Зауралье, которое для Югры, напротив, является «воротами» к обширному и динамичному уральскому рынку (подобно тому как Дальний Восток – ворота в Азиатско-Тихоокеанский регион). Здесь, от Югорска к Нягани (аналоги – Владивосток и Хабаровск) сложилось второе ядро экономически более плотно освоенной территории.

Приведенная образная характеристика призвана показать, насколько оправдано применение к Ханты-Мансийскому автономному округу принципов пространственного развития и региональной политики, используемых для России в целом.

Различия в показателях развития муниципальных образований Югры (как и в показателях разных районов России) проистекают из естественных особенностей ее пространства, ее северной специфики, из цикличной природы освоения природных ресурсов, уровня транспортной и инфраструктурой освоенности. Для отдельных городов и поселков возможен максимально широкий веер сценариев развития – от перехода к условиям староосвоенной территории с диверсифицированной экономикой, развитой социальной сферой и активными горизонтальными связями в пределах городских агломераций до формирования условий для переселения из труднодоступных населенных пунктов последующей их ликвидацией.

Рациональное управление пространственным развитием округа в условиях таких исходных контрастов представляется одной из важнейших целей социально-экономического развития округа в целом – и тем более актуальную, чем более жестки внешние условия развития округа, чем сильнее падение цен на углеводороды, санкционное давление, другие негативные тенденции.

Весь опыт развития России в целом показывает, что в условиях неоднородности территории целесообразнее зональный подход: не уравниловка, но рациональная региональная дифференциация правил и норм, введение региональных коэффициентов и нормативов, адаптированных к местным условиям.

Аналогичные принципы целесообразны и для управления пространственным развитием Югры. Здесь эффективное социально-экономическое развитие в условиях исключительной неравномерности стартовых условий не может вестись по одному, единому для всей территории округа, сценарию. Рациональное хозяйствование, требования бережливого производства достигаются в таких условиях не через единый пакет мер, а через тщательный выбор специфического, заточенного под местную специфику, набора инструментов управления стратегическим развитием в каждом муниципальном образовании. Одни и те же задачи, например, в социальной сфере в крупных муниципальных образованиях наиболее эффективно решаются бизнесом, в малых – за счет ресурсов гражданского общества, социального предпринимательства, сетевых взаимодействий.

Поэтому *в основу планирования пространственного развития Югры положен анализ исходных факторов, дифференцирующих траектории социально-экономического развития отдельных территорий Югры на фундаментальном уровне*. На основе учета данных факторов выделяются типы местного развития, различающиеся по движущим силам и сценариям социально-экономического развития. Все муниципальные образования Югры классифицируются по типам местного развития, и уже внутри каждого типа отдельно рассматривается достигнутый уровень социально-экономического развития (относительно детерминированных местными условиями возможностей), перспективы и проблемы развития.

Югра включает территории, развивающиеся по принципиально различным экономическим законам – и новейшие рецепты региональной экономики для него применимы далеко не всегда, поскольку выработаны, в основном, для плотно освоенных европейских территорий.

В чем основа современной западной региональной экономики, на которой основаны популярные рецепты кластерного развития, локальных инновационных систем, обучающихся регионов, новой промышленной политики? Инновационное развитие опирается не на внешние, данные от природы ресурсы – но на *эндогенные, внутренние ресурсы развития конкретных сообществ*, на их способность генерировать и усваивать инновации – это ключевые положения концепции так называемой *новой экономической географии*, разработанные лауреатом Нобелевской премии по экономике П. Кругманом. Генерация инноваций, в свою очередь, зависит от интенсивности обмена идеями, явным и неявным (tacit) знанием. В условиях инновационной экономики одним из важнейших конкурентных преимуществ становится не близость к природным ресурсам, а синергетический эффект от пространственной близости экономических субъектов друг к другу: он обеспечивающей легкий обмен идеями, неявным

знанием, высокий уровень доверия между работающими на виду друг у друга партнерами. Не случайно девизом работ по изучению регионального инновационного развития стали слова американской исследовательницы М. Фельдман о том, что идеи лучше пересекают коридоры и улицы, чем материки и океаны. Именно сверхконцентрация экономической и инновационной деятельности (при высоком уровне доверия в сообществе) и обеспечивает конкурентные преимущества агломераций, кластеров, региональных инновационных систем – причем речь идет о концентрации в пределах отдельных зданий, комплексов зданий (инновационных парков), сотен метров, максимум – первых десятков километров. Для Югры, где зона деятельности какого-нибудь подразделения одной из нефтедобывающих компаний превышает площадь средней европейской страны, такие масштабы покажутся игрушечными.

Но значит ли это, что Югра с ее сибирскими просторами, с относительно редкой сетью городов и густой сетью кустов нефтедобывающих скважин, должна отказаться от идей внедрения современных инструментов регионального развития – и тем самым от инновационной парадигмы в целом? Нет – однако требуется огромная работа по филигранной подстройке этих инструментов, основанная в частности, на зонировании территории округа по сложившимся условиям развития.

С одной стороны, в округе выделяются отдельные участки, которые по своим особенностям постепенно выходят из ранга территорий нового освоения, наращивают все больше признаков «европейскости». У расположенных здесь муниципальных образований и отдельных поселений наращивается потенциал развития конкурентных преимуществ, действенных в условиях инновационной экономики. Для них постепенно становятся применимы принципы новой экономической географии, кластерная, агломерационная теории, инструменты развития локальных инновационных систем.

С другой стороны, значительная часть территории округа все еще живет по другим законам – по законам северной экономики. Здесь велика роль в экономике крупных ресурсных корпораций и государственного сектора (в ущерб развитию малого и среднего бизнеса), здесь рисунок расселения определяется не агломерациями, а системами локальных, форпостных и тыловых баз, здесь реже транспортная сеть. Экономическое взаимодействие агентов детерминируется не пространственной близостью (как в городских агломерациях на староосвоенной территории), а по сетевому принципу, основанному на социальных (родственные связи) или организационных (корпоративных) взаимоотношениях. Огромную роль приобретают циклические временные процессы (вахтование, ежегодные дальние поездки в отпуск и т.д.). Кластеры, локальные инновационные системы и даже агломерационные эффекты на Севере тоже возможны – но в условиях северной экономики они строятся на иных основаниях (например, на организационной общности, а не на пространственной близости); здесь иные принципы и движущие силы инновационных процессов, и нужны свои, специфические северные типы и формы кластеров¹, инновационных систем²; необходимо переосмысление понятия городских агломераций.

¹ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации. М.: Издание Совета Федерации (б/г). Режим доступа: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5955/1805.pdf> (Дата обращения: 11.02.2016).

² Пилясов А.Н., Хомич Ю.В. Периферийная региональная инновационная система: факторы и направления становления и развития // Российская глубинка – модели и методы изучения. М.: Эслан, 2012. С. 22-40.

Таким образом, округ в силу уникального внутреннего разнообразия включает территории, живущие буквально по разным экономическим законам. ***Важный водораздел, дифференцирующий принципы местного социально-экономического развития (по законам разработанной на староосвоенных территориях новой экономической географии с опорой на эндогенные ресурсы – с одной стороны, и по законам северной экономики – с другой), связан с цикличностью (стадиальностью) освоения нефтегазовых ресурсов.*** Весь опыт изучения социально-экономического развития городов и регионов как России, так и зарубежных стран, показывает, что наличие крупного внешнего источника ресурсов экономического развития – например, молодые нефтяные месторождения с высоким уровнем нефтеотдачи пластов – тормозят развитие инновационного поиска. Переход месторождений к стадии падающей добычи ставит перед необходимостью применения инновационных методов, увеличения наукоемкости производства; аналогичные изменения происходят обычно и в местных сообществах. Наконец, есть территории, для которых добыча углеводородов не является определяющим фактором социально-экономического развития. Для выявления оптимальной пространственной дифференциации условий социально-экономического развития муниципальных образований Югры необходимо тщательно проанализировать взаимосвязь социально-экономического развития отдельных муниципальных образований с нефтегазодобычей как главной отраслью специализации округа.

Существует множество классификаций траекторий местного развития; большинство из них основывается на отраслевом подходе, когда территории классифицируются по отраслям специализации. Отраслевой подход не лишен оснований (действительно, например, нефтегазодобывающие территории, в целом, имеют иные ресурсы и следовательно, траекторию развития, нежели территории, специализирующиеся на ЛПК). Однако отраслевой подход страдает однобокостью: нефтегазодобывающие территории с истощенными и новыми активами иной раз отличаются друг от друга больше, чем «средняя» нефтегазодобывающая и лесопромышленная (сравним, современное состояние Шаимской группы месторождений – и, например, Приобское, Приразломное месторождения). Поэтому выделяя драйверы развития, целесообразно учитывать не только специализацию, но другие факторы.

В отношении Югры важный шаг в данную сторону был сделан во время разработки Схемы размещения производительных сил Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, когда, по сути, был введен фактор возраста освоения территории округа и выделены соответствующие «слои»: традиционной сети площадного аборигенного освоения, линейного типа как расселения, так и хозяйственного освоения по долинным комплексам Оби и Иртыша с их основными притоками, ареального типа вдоль пионерных транспортных магистралей на основе освоения лесных ресурсов, локальноочагового освоения, связанного с масштабным вовлечением в хозяйственный оборот нефтегазовых ресурсов³.

Стратегический подход требует еще более глубокого анализа, выявления собственно драйверов, пружин социально-экономического развития.

³ Схема развития и размещения производительных сил Ханты-Мансийского автономного округа-Югры до 2020 года. 2006

В Югре внутренние, эндогенные факторы развития городских центров (которые в условиях, например, Западной Европы, являются основными) только формируются, и возможны лишь при тесном расположении городских центров, которое создает условия, приближенные к условиям староосвоенной территории (в первую очередь, район Сургута и, в целом, Среднего Приобья от Нефтеюганска до Нижневартовска, а также отдельные территории Советского и Октябрьского районов) – для остальных участков территории нормы западной региональной экономики с ее агломерационными и кластерными эффектами просто не имеют почвы: здесь социально-экономическое развитие идет по законам специфической северной экономики, с высокой зависимостью от циклов добычи природных ресурсов.

Фронтальный⁴ экономический цикл. Главный экономический актив Югры – нефтегазодобыча. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – основной нефтегазодобывающий регион страны, что обеспечивает ему устойчивое место среди наиболее экономически успешных регионов России. Нефтегазодобыча (в отличие от крупногородской экономики, преимущественно и являющейся предметом изучения западных, да и российских специалистов по региональной экономике) имеет иной пространственный рисунок и иные законы развития.

По экономической динамике нефтегазодобыча резко отличается от других отраслей экономики, а современных условиях -- даже от других ресурсных циклов северных регионов страны (лесопромышленного комплекса, золотодобычи): при благоприятной экономической конъюнктуре она создает ситуацию сверхдоходов, вызывает бум, взрывное развитие территории (по типу «золотых лихорадок» прошлых веков) с соответствующими проблемами быстрого роста населения, социальной необустроенности пионерных территорий. Напротив, при неблагоприятных условиях и при истощении месторождений ресурсные регионы легко становятся депрессивными. Поэтому, в первую очередь, говоря о пространственном развитии Югры, нельзя говорить о «нефтегазодобывающих районах» вообще. Необходимо выделить зоны, развитие которых детерминировано отдельными стадиями фронтального цикла освоения ресурса; здесь необходимо применять подходы, наработанные в рамках изучения северной экономики, зависимой от редкой плотности населения, концепцию баз освоения (а не центр-периферийную модель в ее классическом виде) – см. таблицу.

Таблица 1

Специфика социально-экономического развития территорий на разных стадиях фронтального цикла

Стадия	Специфика формирования пространственной структуры	Специфика социально-экономического развития
Пионерная	Разработка ресурса идет в условиях низкой инфраструктурной	Высокие издержки на освоение, строительство инфраструктуры, геологоразведку. Слабая социальная

⁴ Фронтал – зона освоения территории, для которой характерно форсированное вовлечение в эксплуатацию ресурсов, обеспечивающих сверхдоходы по сравнению со староосвоенными территориями.

	обустроенности, часто – с удаленных (форпостных) баз, вахтовым методом. Крупных населенных пунктов нет (иногда нет и постоянного населения).	сфера. Характерны конфликты по поводу землепользования (в т.ч. – с КМНС), острые экологические проблемы. Социальные проблемы, связанные с семейной неустроенностью, гендерным дисбалансом
Пиковой добычи и стабилизации	Классические монопрофильные города (чаще приближенные к месторождениям – т.к. локальные базы освоения). Повышение уровня освоенности, формирование корпоративной социальной сферы.	Доминирование градообразующего предприятия в местной экономической и социальной сферах («эпоха расцвета» монопрофильных городов). За счет этого – снижение креативности местного сообщества, подавление развития малого предпринимательства, развитие «социального иждивенчества»
Стадия истощения	Сложившиеся города с развитой социальной инфраструктурой. Эксплуатация все более удаленных от города месторождений (в т.ч. вахтовым методом)	Стагнация и снижение уровня доходности градообразующего предприятия, при увеличении издержек на эксплуатацию ресурсов. Характерно развитие малого предпринимательства как вынужденная компенсация снижения экономической базы развития города. Возможны три сценария дальнейшего развития: а) диверсификация, основанная на активизации внутренних ресурсов развития, синергетического потенциала местной производственной системы, а также на взаимодействии с соседними городами с использованием агломерационного, кластерного эффектов, б) затянувшаяся «рецессия» нефтедобычи – с поддержкой уровня добычи путем введения инновационных технологий или перехода на удаленные месторождения; тем не менее, в удаленной перспективе такой сценарий чреват деградацией (обычно на фоне пассивности, прогрессирующего «социального иждивенчества» местного населения, привыкшего к высокому уровню социальной защиты со стороны градообразующего предприятия).

Для конкретных условий Югры модель фронтального цикла будет означать следующее: основными источниками экономического роста в плановый период будут зоны на периферии старых нефтегазоносных районов. Это относительно более молодые продуктивные месторождения Красноленинского, Приобского нефтегазоносных районов (Ханты-Мансийский и соседние районы), Салымского НГР (Нефтеюганский район), молодые участки на периферии Нижневартовского (Бахилловский НГР), на северо-западе Сургутского района.

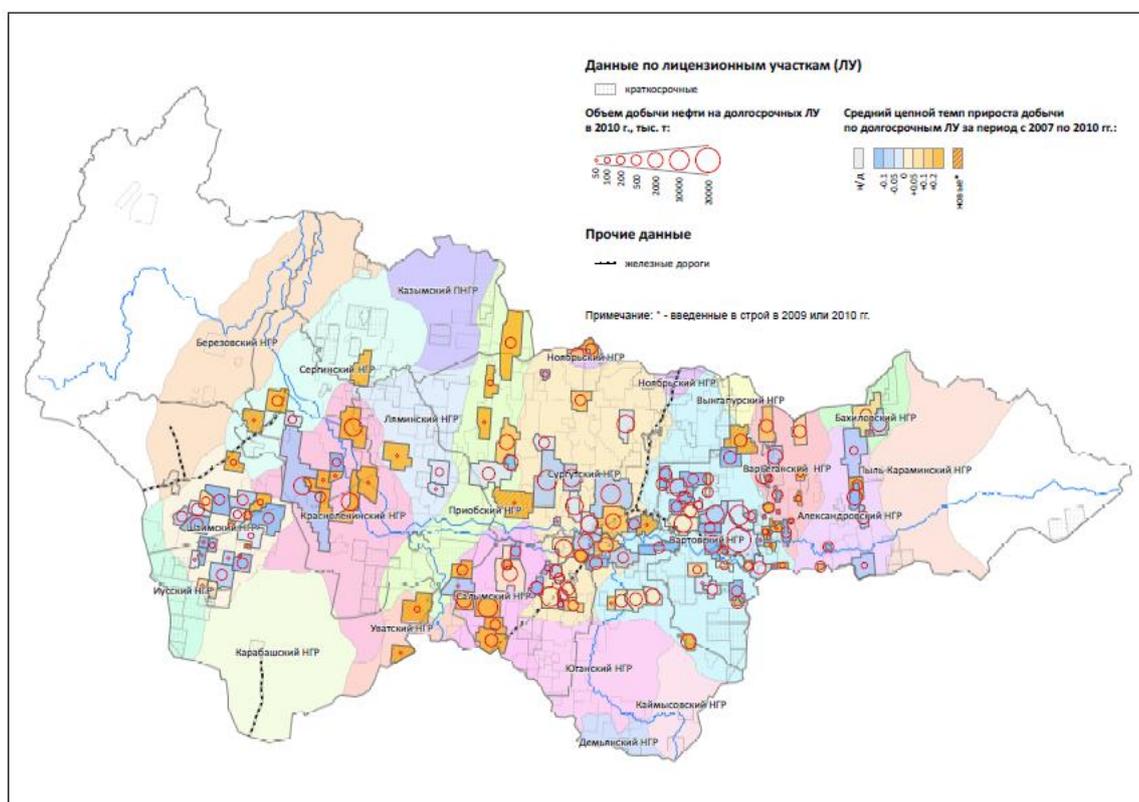

Рис. 1. Истощающиеся и молодые месторождения Югры (оценка на основе данных о динамике нефтедобычи, 2007—2010 гг. См. также Картографическое приложение к Рабочим материалам. Источник: расчеты СОПС по данным ТИС.

Таким образом, в Югре складывается парадоксальная ситуация: основными точками роста оказываются не центральные, а периферийные районы. В центре же находятся города Сургутского Приобья, выросшие в качестве локальных баз при ближних месторождениях (в первую очередь, Самотлор, Фёдоровское, Усть—Балыкское, Мамонтовское), сегодня все больше переходящие на вахтовый метод эксплуатации все более удаленных территориях как Югры, так и вовсе удаленных территорий России (например, эксплуатация Талаканского месторождения в Якутии «коренной» структурой округа – ОАО «Сургутнефтегаз»). Города – бывшие локальные базы – становятся форпостными.

В меньших масштабах подобная кольцевая (точнее, в данном случае – дуговая) структура повторяется в западной части округа, где от более истощенных месторождений Шаимского и Березовского нефтегазовых районов (НГР) экономическая активность смещается к расположенным на территории Ханты-Мансийского муниципального района зонам более молодых месторождений Красноленинского и Сергинского НГР.

Две кольцевых зоны перспективной нефтедобычи особенно четко проявляются в расположении перспективных поисковых зон новых нефтегазовых месторождений округа (см. рис. 2).

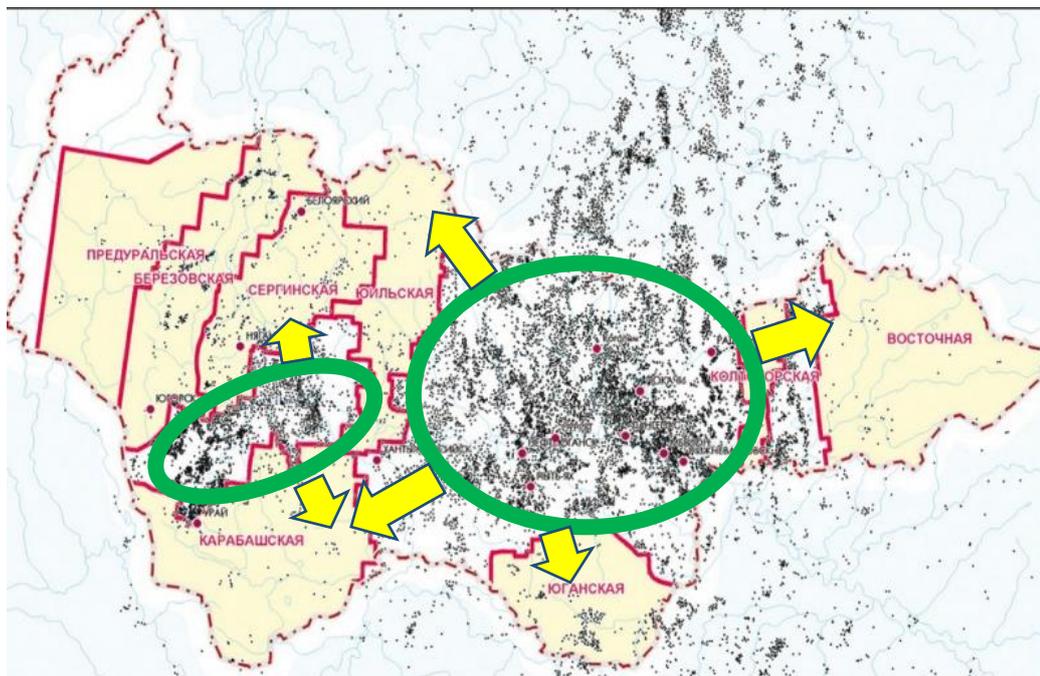

Рис. 2. Кольцевое расположение поисковых зон нефтегазовых месторождений как проявление в Югре фронтального пространственно-временного цикла.

Источник: Энергетическая стратегия округа. <http://www.oilnews.ru/23-23/3-geologorazvedochnye-raboty-i-vozpomenie-resursnoj-bazy-neftedobychi/>

Наиболее крупные города Югры – наиболее ранние базы нефтегазодобычи округа – оказываются сегодня окруженными валом освоения более молодых, но уже удаленных месторождений. Именно эти «внутренние», оставленные фронтиром 60-70-х годов, города сегодня оказываются в числе наиболее комфортных для проживания. В них развитая социальная и экономическая инфраструктура, лучшая в округе транспортная доступность. Уже сформировались преимущества жизни в крупных городах (или вблизи них): разнообразие мест работы, товаров и услуг, возможности получения образования и др. Здесь наилучшие возможности для развития предпринимательства, образования, человеческого потенциала. Здесь возможно формирование агломераций и кластеров с получением эффектов от так называемых «перетоков знания», когда близость производственных и научно-образовательных структур друг к другу позволяет получить конкурентные преимущества на скорости генерации инноваций под конкретные производственные запросы.

Многие создаваемые в России кластеры, объединяющие предприятия, разнесенные на сотни и тысячи километров, не являются кластерами в классическом западном понимании данного слова, поскольку в них не возникает обусловленных близостью преимуществ для перетоков знания; все существующие в них преимущества вызваны повышением уровня взаимодействия между членами кластера исключительно за счет административной близости – очень специфическое преимущество, ценное не само по себе, но исключительно на фоне низкого уровня доверия в российском экономическом пространстве в целом. В этой связи формирование кластеров из организаций в близко расположенных

населенных пунктах «старых» нефтяных районов Югры позволило бы получить не только это специфическое преимущество, но и подлинное кластерное преимущество упрощения потоков знания за счет тесного соседства членов кластера.

Таким образом, классическая схема экономического зонирования территории в Югре в силу ее северной (ресурсной) специфики оказывается как бы вывернутой наизнанку по сравнению с обычной зоной падения интенсивности экономической деятельности с удалением от крупных городов, как это происходит на староосвоенных территориях. В центре располагаются наиболее удобные с точки зрения развитой социальной инфраструктуры города – но не они пока еще являются основными генераторами экономического роста; их внутренние, эндогенные резервы еще не сформировались (за исключением, пожалуй, Сургута) и даже не всегда осознаны. Главные генераторы экономического роста – это передовой «вал» фронтального освоения, кольцом охватывающий более старые районы с уже истощенными месторождениями, и движущийся постепенно на все более удаленные территории округа.

На базовую дифференциацию территории по месту во фронтальном ресурсном цикле (передний край – зона пиковой добычи – зона истощающихся ресурсных баз, стоящих перед острой проблемой выбора сценария социально-экономического развития) накладываются более частные условия – транспортная доступность, соседство городов друг с другом, административный статус и организационная структура нефтегазодобывающих компаний.

Важнейший (после стадии ресурсного цикла) фактор развития территорий в условиях северной экономики – это их транспортно-логистическая ситуация. Если в условиях Европейской части России наличие в городе железнодорожной станции давно не является критическим, то в условиях Севера, общей удаленности и больших затрат на транспортировку, наличие аэропорта, железной дороги, магистральной автотрассы (меньше – расположение на судоходной реке), а также близость к другим центрам экономического развития обеспечивает большие преимущества.

Таблица 2

Доступность муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов) разными видами транспорта

Муниципальное образование	Круглогодичное наземное сообщение		Сообщение по зимникам (в случае отсутствия)	Регулярное сообщение водным транспортом	Регулярное авиасообщение		Сумма баллов
	Железнодорожным транспортом	Автомобильным транспортом			Межрегиональные рейсы (за пределы округа)	Местные рейсы (внутри округа) -- в случае	
Вес критерия	1	1	0,5	1	1	0,5	
г. Когалым	1	1		0	1		3
г. Лангепас	1	1		0	0		2
г. Мегион	1	1		0	0		2
г. Нефтеюганск	0	1		1	0		2

г. Нижневартовск	1	1		1	1		4
г. Нягань	1	1		0	1		3
г. Покачи	0	1		0	0		1
г. Пыть-Ях	1	1		0	0		2
г. Радужный	0	1		0	0		1
г. Сургут	1	1		1	1		4
г. Урай	0	1		1	0	0,5	2,5
г. Ханты- Мансийск	0	1		1	1		3
г. Югорск	1	1		0	0		2
Белоярский район (пос. Белоярский)	0	1		1	0	0,5	2,5
Березовский район (пос. Березово)	0	0	0,5	1	1	0,5	3
Кондинский район (пос. Междуреченский)	1	1		1	0	0,5	3,5
Нефтеюганский район: - административный центр (г. Нефтеюганск)	0	1		1	0		2
Нижневартовский район: - административный центр (г. Нижневартовск)	1	1		1	1		4
Октябрьский район (пос. Октябрьское)	0	1		0	0		1
Советский район (г. Советский)	1	1		0	1		3
Сургутский район: - административный центр (город Сургут)	1	1		1	1		4
Ханты-Мансийский район: - административный центр (г. Ханты- Мансийск)	0	1		1	1		3

Особенно чувствительны к транспортному положению старые базы освоения территории. Дело в том, что на ранней и пиковой стадии освоения месторождений развитие городов при них (локальные базы) обеспечивается сверхприбылями фронтальной экономики. Зачастую полное отсутствие инфраструктуры не является преградой к освоению месторождения (хотя нередко и тормозит его): инфраструктура идет к молодому месторождению, а не наоборот. Однако на стадии

истощения месторождений города становятся более чувствительными к местным условиям. В этот период их судьба может определиться близостью к железной дороге, к другим экономическим центрам. Яркий пример – очевидное торможение социально-экономического развития удаленных от железных дорог городов Урай, Покачи, Радужный – все «внетрассовые» города расположены в нижней части рейтинга городов, например, по стоимости жилой недвижимости, очень чутко обычно реагирующей на общую динамику социально-экономического развития. Напротив, именно удобством транспортного положения «на входе» в округ по железной дороге можно объяснить, например, высокую позицию г. Пыть-Ях, необъяснимую ни с точки зрения уровня местных зарплат (один из самых низких по округу), ни общей численности населения.

Таблица 3

Средняя стоимость жилья в городах Югры (апрель 2016)

Город/поселок	Средняя стоимость 1 кв. м жилья, руб.
Сургут	71 765
Ханты-Мансийск	69 395
Нефтеюганск	65 107
Нижневартовск	59 815
Пыть-Ях	59 191
Когалым	58 514
Югорск	54 249
Лянтор	49 881
Мегион	49 275
Урай	49 127
Советский	48 795
Нягань	47 283
Белоярский	46 825
Лангепас	44 110
Покачи	41 919
Радужный	17 809

Источник: Аналитический центр SRG
<http://www.9r.ru/analytics/hanty-mansiyskiy%20avtonomnyy%20okrug%20-%20yugra/nefteyugansk> (Дата обращения 5 мая 2016 г.).

Что касается таких городов как Мегион и Лангепас, казалось бы, удобно расположенных вдоль основной экономической оси округа, на Оби и железной дороге (Мегион – в 15 км от станции), то их экономическое развитие тормозится иным образом. Они *слишком близко* расположены к одному из наиболее крупных экономических центров округа – Нижневартовску, и здесь имеет место проявление известной отрицательной составляющей агломерационного эффекта.⁵

⁵ Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый Хронограф, 2014.

Расположение вблизи более крупного центра тормозит развитие сферы услуг, «перетянутой» на себя более крупным центром (это особенно ярко видно по уровню развития малого бизнеса в этих городах), способствует оттоку наиболее активного населения на работу: Мегийон и Лангепас оказываются как бы «в тени» Нижневартовска. Шансы на интенсификацию их экономического развития лежат не только в успехах их структурообразующих предприятий – но и в значительной степени в комфортности их среды по сравнению с Нижневартовском и Сургутом – в том числе речь идет о бизнес-климате. Расположенные в пределах агломераций второстепенные города вынуждены становиться более уютными и более удобными для бизнеса, чем центр их агломерации -- чтобы не теряться в его «тени».

Напротив, зачастую изолированные территории развиваются более динамично в силу вынужденного развития полного набора услуг и производств (яркий пример – небольшой изолированный город Урай, где есть даже «свой» нефтеперерабатывающий завод, ориентированный на удовлетворение местного спроса в нефтепродуктах, в т.ч. авиационном керосине).

В силу неоднозначности влияния положения городов вблизи более крупных населенных пунктов или в удалении (иными словами, внутри или вне агломерационных пространств) данный фактор исключается из числа фундаментальных; в качестве фундаментального фактора, дифференцирующего социально-экономическое развитие, далее выбирается транспортная доступность.

Административный статус города. Место структурообразующего предприятия в головной корпорации. Северная экономика, как она описана в классических научных работах, основана на балансе государственного и корпоративного секторов экономики; при этом, пожалуй, нигде в мире государственный сектор не играет такой важной роли для судьбы населенных пунктов, как на северных территориях. В условиях редкой плотности населения и крайне суженного спектра ресурсов экономического развития административный фактор приобретает особое значение, обеспечивая ускоренное развитие городов, казалось бы, не имеющих собственных ресурсов развития. Ханты-Мансийск (заметим, равно как и Салехард, схожий с Ханты-Мансийском редкостным с точки зрения современных реалий неудобством транспортно-географического положения) – яркий тому пример.

Аналогично, большое значение для развития города имеет расположение в нем штаб-квартиры ресурсной корпорации (или ее филиала), а также органов власти разного уровня. Югра знает судьбоносные изменения статуса населенных пунктов по организационным или административным причинам (например, перенос центра Кондинского района из Кондинского в Междуреченск в середине 1990-х годов радикально ослабил перспективы развития поселка Кондинское).

Важно понимать, что влияние штаб-квартиры на развитие города идет не только через увеличение налогооблагаемой базы. Размещение штаб-квартиры в районе добычи ресурсов способствует развитию социальной укорененности руководства компании – что классик исследований по данной проблематике М. Грановеттер считал ключевым фактором влияния на политику компании, повышения социальной ответственности ее политики вне рамок официальных соглашений. Социальная укорененность руководства компании (по Грановеттеру) проявляется через включение конкретных руководителей в местные социальные сети, которые начинают играть роль гражданской сдержки против политики узко понятой политике эффективного менеджмента в ущерб социальному развитию.

Ярчайшим подтверждением данному обстоятельству долгое время была зарегистрированная в округе компания «Сургутнефтегаз» – лидер среди всех нефтегазодобывающих компаний страны по уровню экологической ответственности.

В итоге, пространственная структура Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, детерминированная фронтальным циклом добычи углеводородов, в детализации по отдельным муниципальным образованиям выглядит следующим образом.

В первую очередь, пространственная структура округа определяется наложением двух «колец» освоения, расширяющихся и трансформирующихся в соответствии с фронтальным ресурсным циклом освоения-истощения месторождений углеводородов. Каждая из кольцевых зон разделяется на две подзоны: внутренняя, с месторождениями на стадии падающей добычи и одновременно с наиболее развитыми городами, с полноценным городским образом жизни, инфраструктурно обустроенные – и внешняя. Внешняя зона – зона пионерного освоения состоит из участков молодых, недавно введенных в эксплуатацию месторождений или даже участков на стадии разведки, без крупных постоянных поселений, зачастую без достаточной транспортной инфраструктуры. Эти участки складываются в более-менее четкие дуги, кольцом охватывающие благоустроенные ядра, и проходят по территории почти всех муниципальных районов (за исключением Березовского). Этот передний край освоения нефтегазовых ресурсов встречается лицом к лицу с территориями традиционного природопользования на периферии округа.

Восточное «кольцо» фронтального ресурсного цикла включает в ядре истощающиеся месторождения, и связанные исходно с их развитием города. При более детальном рассмотрении эта структура трехядерная: в ее «сердце» лежат Фёдоровское, Самотлорское и Усть-Балыкское месторождения, давшие жизнь, соответственно, трем крупнейшим городам восточной части округа – Сургуту, Нижневартовску и Нефтеюганску. Сегодня эти города (в большей степени Сургут и Нижневартовск) составляют основу второй зоны ресурсного фронта – зоны социальной укорененности. Здесь максимальная концентрация инфраструктурных объектов и объектов социально-культурной сферы, здесь проживает основная часть населения; расположены крупнейшие научно-образовательные учреждения – потенциал инновационного развития. Кроме названных, ядро восточной зоны составляют, безусловно, Пыть-Ях (выросший на Мамонтовском месторождении), Лангепас (Локосовское месторождение), Мегион, Покачи и прилегающие территории Нижневартовского, Сургутского, Нефтеюганского районов. По сути, на границе с зоной пионерного освоения стоят Когалым и Радужный – хотя они возникли в первой волне нефтегазового освоения округа, однако, в непосредственной близости от них сохранились новые месторождения.

Современная дифференциация социально-экономического развития *внутри* этого ядра определяется, как уже говорилось, дополнительными факторами: транспортным положением (по которому Покачи и Радужный резко проигрывают остальным городам, стоящим на железнодорожной магистрали), а также «столичной» ролью (расположение штаб-квартир компаний).

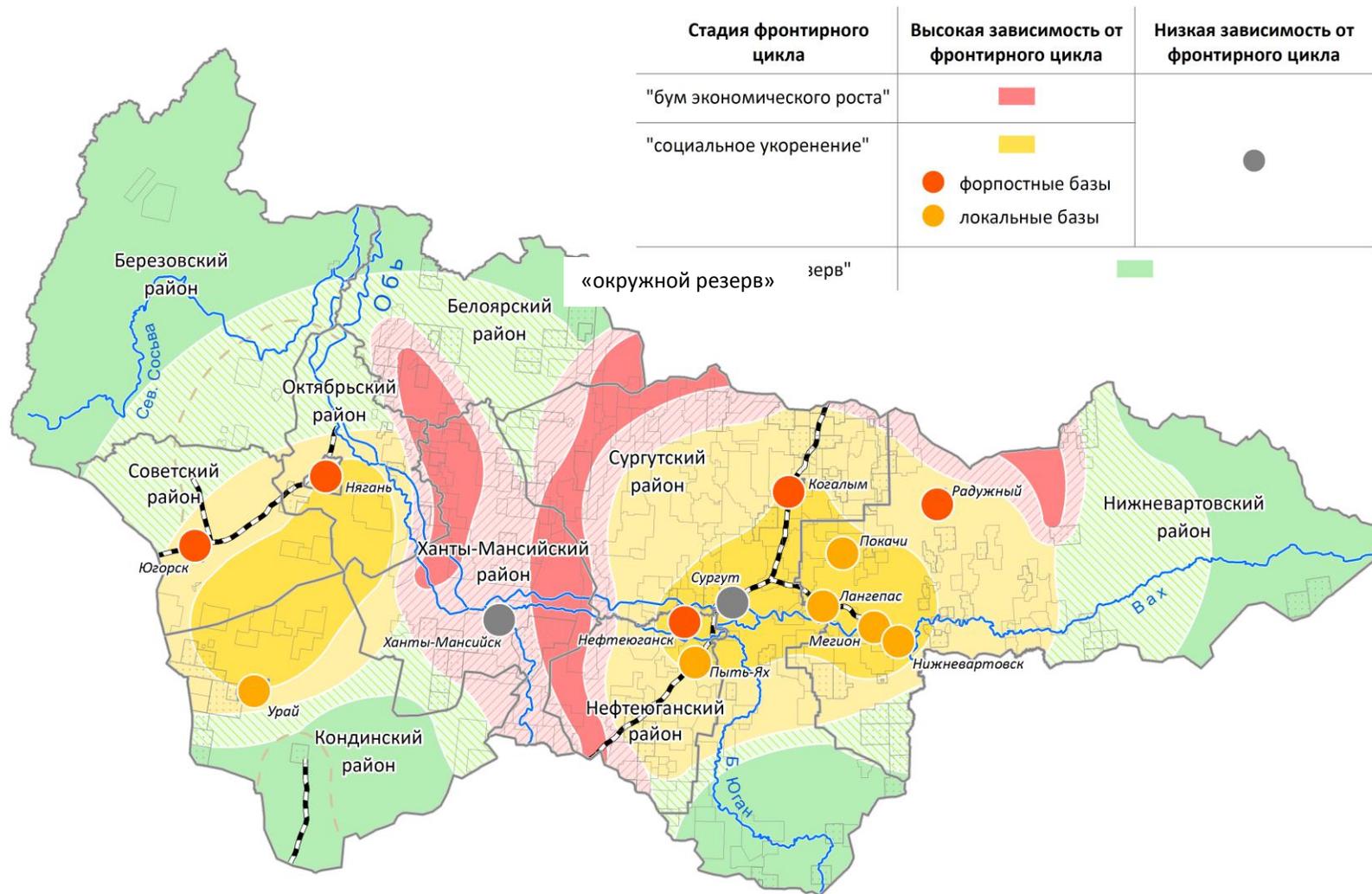

Рис. 3. Схема размещения основных зон социально-экономического развития Югры

Югра дает ярчайшие примеры связи развития города с организационной структурой компании. В городах Лукойла организационная структура подразумевает создание относительно обособленных территориальных производственных предприятий. Они обособлены во всех зонах деятельности Лукойла – и что характерно, каждому из ТПП Лукойла соответствуют обособленные городские округа (в рассматриваемой зоне это не только 60-тысячный Когалым и 40-тысячный Лангепас, но и 17-тысячные Покачи; в другой части округа – Урай). В Когалыме при этом создано сразу два ТПП (оба – Лукойл). Городской округ Мегион (49 тыс. чел.) – штаб-квартира ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз» -- основного нефтегазодобывающего предприятия Славнефти. Расположенный на самой дальней окраине староосвоенного ядра Радужный стал местом размещения сразу двух штаб-квартир – дочерних компаний Роснефти и Руснефти.

Как правило, наличие штаб-квартиры ресурсной компании способствует ее большей социальной укорененности, учетом местных нужд в своей политике – чем управление компанией извне, колониальным способом. Сургут представляет собой особенно яркую иллюстрацию данного правила – притом в двояком отношении. С одной стороны, Сургут – штаб-квартира одной из крупнейших нефтедобывающих компаний страны (одно время крупнейшей) – и это не могло не повлиять радикальным образом на рост самого Сургута, его социальное развитие и комфортизацию, развитие третичной сферы (например, банковское обслуживание), появление первого в округе университета (1993). Безусловно, фактор «столичности» для крупной компании сыграл свою роль в становлении Сургута крупнейшим городом округа – наряду с фактором удобного транспортного положения Сургута, по сути, в центре восточного ядра освоения, неподалеку от транспортных развилки на Саяногорск (Нижневартовск) и далее на Север (Когалым – Ноябрьск – Новый Уренгой).

С другой стороны, выглядит логичным, что на фоне мощного развития Сургута Сургутский район оказывается «обделенным» центрами городского развития на фоне соседних Нижневартовского и Нефтеюганского района. 40-тысячный город Лянтор (сопоставимый, таким образом, по численности населения с Лангепасом и Мегионом, и более чем вдвое опережающей Покачи и целый ряд других городов округа), вопреки местной инициативе 2006 г.⁶, был оставлен «простым» городским поселением в составе Сургутского района. Тем более 23-тысячный Федоровский, почти 17-тысячный Белый Яр остаются в статусе поселков. Подобная «недодача» административной самостоятельности населенным пунктам в «вотчине» Сургутнефтегаза коррелирует (и видимо, объясняется) с организационной структурой самой нефтедобывающей компании: в отличие от всех остальных действующих в округе крупных компаний Сургутнефтегаз не имеет дочек, а управление на местах осуществляет посредством НГДУ («Сургутнефть», «Быстринскнефть», «Федоровскнефть», «Комсомольскнефть», «Лянторнефть», «Нижнесортимскнефть», «Талаканнефть»; последнее ведет деятельность на территории Якутии).

⁶ Решение Совета депутатов городского поселения Лянтор № 44 от 23.11.2006 г. «О назначении публичных слушаний».

Нижневартовск и Нефтеюганск – в прошлом, центры (но не штаб-квартиры) региональных представительств, соответственно, ТНК-ВР и ЮКОСа; впоследствии активы перешли к Роснефти, которая создала в каждом из городов свои структурные подразделения. Нефтеюганск и Нижневартовск дольше Сургута сохраняли свое пионерное, фронтирное положение с недостаточной социальной укорененностью компаний. Неудивительно в этой связи, что львиная доля накопленных нефтяных разливов приходится сегодня на Нефтеюганский и Нижневартовский районы, тогда как в Сургутском районе – в зоне деятельности социально укорененной в округе компании «Сургутнефтегаз» -- они минимальны.

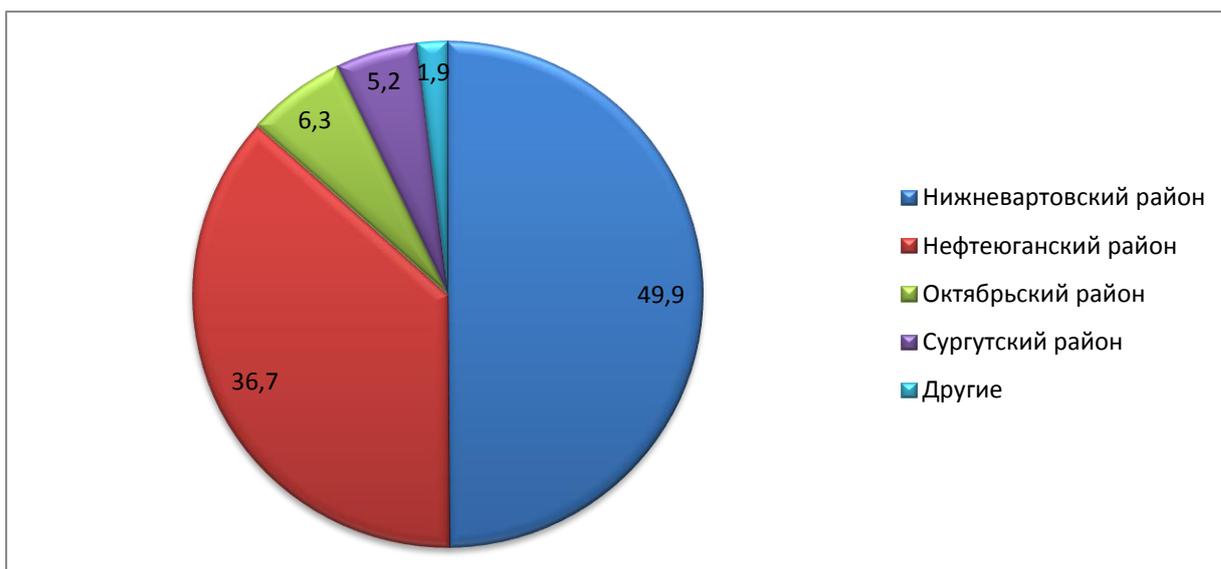

Рис. 4. Территориальная структура земель, загрязненных нефтепродуктами (по состоянию на 1 января 2016 г.)

Источник: Природнадзор Югры. Сведения о загрязнении и рекультивации земель. <http://www.prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okrzhayushchey-sredy/>

В современных условиях и Нижневартовск, и Нефтеюганск, тем не менее, уже безусловно относятся к зоне «ядра» кольцевой подструктуры фронтирного цикла – зоне социальной укорененности.

Различия между отдельными городами ядра по степени укорененности (а также по уровню жизни в целом) возникают не только в результате размещения/неразмещения штаб-квартир, но в результате стратегической политики структурообразующего ресурсного предприятия. **Развилка социально-экономического развития** здесь определяется, в первую очередь, политикой превращения в локальную базу освоения удаленных месторождений (форпостные и тыловые базы в классической теории северной экономики) – или переход к опоре на внутренние ресурсы развития.

Часть фирм, штаб-квартиры и активы которых связаны с городами «ядра» нефтегазового цикла, выбрала первую стратегию: из локальных баз освоения близлежащих месторождений они становятся базами освоения дальних месторождений. Такая судьба отчасти предназначена Сургуту (с выходом на Талаканское месторождение в Якутии и, возможно, в будущем, в других регионах). Кроме того, Сургутнефтегаз активно осваивает месторождения западной части Сургутского района (здесь очевидно соперничество за новые участки Сургутнефтегаза и Лукойла) и на прилегающей территории Белоярского районов, а

также – отдельные участки южной части Нефтеюганского района (Салымский и Югорский НГР).

Очень выгодная позиция Нефтеюганска: местная «РН-Юганскнефтегаз» активно осваивает новые месторождения на границе Нефтеюганского и Ханты-Мансийского района, и в самом Ханты-Мансийском районе. Как сообщается на официальном сайте компании, «среди месторождений, разрабатываемых Юганскнефтегазом, есть сравнительно новые, такие как Приобское и Приразломное. Они отличаются низкой степенью выработанности запасов, и их разработка осуществляется с использованием наиболее современных и эффективных методов. Данные месторождения обеспечивают значительную часть органического прироста добычи нефти НК «Роснефть»». Не случайно Нефтеюганск – один из немногих городов округа со значительным миграционным приростом (после городов Ханты-Мансийск, Югорск и Сургут).

Мощно работает с новыми месторождениями Роснефть с базой в Радужном (Бахилловский и соседние участки, разрабатываемые ОАО «РН-Варьёганнефтегаз»).

Таким образом, кольцо молодых месторождений, окаймляющих ядро более раннего освоения, складывается из нескольких дуговых участков. На востоке это Бахилловский, Северо-Хохряковский и некоторые соседние участки (зона влияния форпостной базы в Радужном). На Севере это молодые месторождения Лукойла (в основном, к западу от Когалыма – Тевлинско-Русскинское и соседние месторождения). Далее на северо-западе это молодые месторождения Сургутнефтегаза (контролируемые, главным образом, из самого Сургута): Нижнесортимское месторождение и далее Ватлор на границе с Белоярским районом. На западе передний край ядра – это граница Нижневартовского и Ханты-Мансийского районов (Приразломное, Приобское месторождения), контролируемые из Нефтеюганска. Наконец, на юге условное кольцо⁷ замыкают богатые месторождения Салымского и Югорского НГР (частично контролируемые Сургутнефтегазом, частично – другими недропользователями).

Таким образом, обособим подгруппу городов, которые, с одной стороны, принадлежат к ядру староосвоенной территории с развитой инфраструктурой – с другой --- выполняют роль локальных (Когалым) и все более удаленных, форпостных баз (Нефтеюганск, Радужный). Определенными признаками сходства с данной группой городов обладает и Сургут (хотя по своему размеру и потенциалу должен рассматриваться отдельно).

Что можно сказать о социально-экономическом развитии городов, являющихся форпостными базами освоения молодых месторождений? Доступ к месторождениями «переднего края» освоения создает в городе мощный ресурс для увеличения благосостояния, развития социальной сферы – и одновременно привычку к относительно «легким» деньгам, (по сравнению с районами истощенных месторождений), социальную пассивность, типичную для монопрофильных и ресурсных городов эпохи стабильной работы градообразующего предприятия⁸. Здесь еще нет острой нужды в инновациях, как правило, хуже развивается малый бизнес, сложнее проявляется инициатива: налицо классические когнитивные и политические блокировки инновационного развития

⁷ Строго говоря, его границы уходят на севере в ЯНАО, на юго-востоке – в Томскую и Тюменскую области.

⁸ См.: Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах. М, 2015.

на фоне кажущегося благополучия. Такие города встанут перед сложным выбором в будущем, при истощении сегодня молодых месторождений.

Очевидно, что потенциал значительно лучше у Нефтеюганска с его удобным расположением в центральной части округа, вблизи других городов – и значит, с возможностью формирования агломерационного эффекта. Хороший потенциал и у Когалыма (ему помогает транзитное положение). Напротив, благополучие Радужного, расположенного на большом удалении от основных транспортных магистралей, более иллюзорно (и уже сегодня об этом свидетельствуют, например, низкие цены на жилье и отток населения). Очевидно, что уже сегодня необходимо прорабатывать механизмы управляемого сокращения размеров города.

Сургут как центр крупной ресурсной корпорации, а также город с относительно диверсифицированной экономикой (крупные ТЭС, штаб-квартиры таких важных фирм как Газпром переработка и Газпром трансгаз Сургут, университет, развитая сфера социально-бытовых, медицинских услуг, культуры) выбивается из группы городов – форпостных баз пионерного освоения. Постепенно складывающаяся диверсификация и удобное транспортное положение создают условия для того, чтобы Сургут и вовсе вышел из «дурной бесконечности» фронтального цикла, с ее чередой взлетов на стадии освоения очередных месторождений и деградации на стадии падения. Здесь сложились все условия для перехода на принципиально иной механизм развития, основанный на внутренних ресурсах и инновационном поиске – для этого необходимо усиления взаимодействия с соседними городами в целях получения синергетического, агломерационного эффекта.

Внутри кольца передового освоения в той или иной степени «заперты» компании Мегиона, Покачей, Лангепаса, Пыть-Яха; в целом, это же можно сказать и о Нижневартовске. Предприятия Нижневартовска работают на удаленных месторождениях (в первую очередь, это можно сказать про ОАО «Нижневартовское нефтегазодобывающее предприятие», где «отдаленность месторождений ... от г. Нижневартовска составляет от 60 до 300 километров, что накладывает особый отпечаток на характер производственной деятельности. Работа организована вахтовым методом»⁹. Тем не менее, судьба города остается связанной, в первую очередь, с Самотлором, где остались преимущественно «трудноизвлекаемые углеводороды, добыча которых требует современных технологий, знаний с существенных вложений»¹⁰.

Таким образом, названные города (Нижневартовск, Лангепас, Покачи, Мегион, Пыть-Ях) – типичные города – локальные базы при истощающихся месторождениях. Выход их на новые ресурсные источники по тем или иным обстоятельствам затруднен. Здесь ситуация «требует от специалистов особого внимания геологическим вопросам, грамотного и умелого применения современных технологий разработки пластов, таких, к примеру, как зарезка вторых стволов скважин, проведение многостадийных гидроразрывов пласта, реорганизация поддержания пластового давления и третичные методы повышения нефтеотдачи»¹¹.

Вызовы, аналогичные стоящими перед их структурообразующими предприятиями, стоят и перед их сообществами.

⁹ http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/western_siberia/nignevartovskneftegaz/

¹⁰ http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/western_siberia/samoltorneft/

¹¹ http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/western_siberia/nignevartovskneftegaz/

В более выгодном положении здесь находится более крупный город Нижневартовск, в наименее выгодном – отдаленный от основных транспортных магистралей Покачи.

К группе, по-видимому, следует относить и Лянтор (по нему практически отсутствуют статистические данные) – но можно судить по положению, «запертому» во внутренней части территории деятельности Сургутнефтегаза.

Небольшой потенциал ввода новых месторождений есть у структурообразующего предприятия Лангепаса. Как указано на сайте соответствующего ТПП, «Сегодня предприятие, продолжая осваивать старые промыслы, выходит на новые участки месторождений. Ведется бурение на Нивагальском, Урьевском и Поточном месторождениях. В числе последних приобретений — лицензионный участок Северо-Егурьяхский-2. В пределах данного лицензионного участка предприятие проводит геологоразведочные работы, которые в 2016 году вошли в активную стадию с бурением двух поисковых скважин»¹². Впрочем, объемы добычи на новых месторождениях здесь невелики. Любопытно, что упомянутый Северо-Егурьяхский-2 участок приобретен для ТПП Лангепаса как бы «через голову» Покачей, к которым он ближе: очевидно, играет роль потенциал более крупной фирмы (тогда как у Покачей «нет сил» на новый виток фронтального освоения).

Покачи, Мегион и в значительной степени Нижневартовск – города «истощающихся» месторождений. Их вызов в настоящее время – всемерное усиление внутренних, креативных ресурсов развития, внедрение новых технологий бережливого производства, развитие малого предпринимательства, инновационных услуг.

Неслучайно именно Нижневартовский университет стал пилотной площадкой по внедрению концепции «Бережливого региона» -- здесь это намного логичнее, чем в городе, чьи компании ориентированы на разработку более прибыльных, «горячих» месторождений. Аналогично, не случайно «Компания «ЛУКОЙЛ» определила ТПП «Покачевнефтегаз» пилотной площадкой для реализации мероприятий по энергоэффективности и энергосбережению»¹³. Города ядра фронтального цикла, лишённые выхода на новые месторождения, буквально обречены на инновации, на переход от безоглядного расточительства пионерного освоения к «европейским» стандартам рационального хозяйствования – для городов данной зоны это не прихоть, а суровая необходимость.

Именно для этих городов остро стоит вопрос реального (не декларативного) «запуска» агломерационного эффекта, основанного на формировании единого рынка труда, единой системы перетоков знаний и технологий.

Образно выражаясь, этим городам пора выходить из законов жизни Севера и переходить к правилам игры староосвоенных территорий. Основное – это умение получить синергетический эффект на локальном межмуниципальном взаимодействии, общем рынке труда, технологий, на включении инновационного поиска в местном сообществе. Более крупные города здесь могут выиграть на концентрации деловой активности, на предоставлении инновационных, социальных, культурных, транспортно-логистических, досуговых и других услуг соседним территориями (в частности, для Нижневартовска это не только Мегион и

¹² <http://www.lukoil-zs.ru/about/structure/langepasneftegaz/>

¹³ <http://www.lukoil-zs.ru/about/structure/pokachevneftegaz/>

Лангепас, но и Стрежевой в Томской области). Для городов, которым суждено стать периферией агломераций (Пыть-Ях, Мегион, Лангепас) очевидными преимуществами должны стать большая комфортизация, более «домашняя» социальная среда, более низкие цены – то есть типичные преимущества малых городов, заставляющие жителей перебираться из больших городов в пригороды). В противном случае города ядра ждут постепенное обезлюдение и социально-экономическая деградация по типу многих периферийных поселков староосвоенной зоны страны.

Аналогичные зоны сложились в западной части округа. Здесь основное «ядро» раннего фронтального цикла – город Урай, сложившийся на освоении Шаимской группы месторождений. В настоящий момент это типичный город зоны социальной укорененности, ориентированный на разработку более молодых месторождений. Как указывается на официальном сайте компании Лукойл, «территория деятельности «Ураинефтегаза» охватывает около 13 тысяч квадратных километров Советского, Кондинского, Октябрьского и Ханты-Мансийского районов Югры, что сопоставимо с территорией Австрии.... Одна из ключевых особенностей предприятия, — территориальная разбросанность месторождений: ближайшее – 40 километров от города, самое удаленное (Красноленинское) — 350 километров¹⁴». Однако глубинное положение Урая вдалеке от основных трасс округа не позволяет ему перейти на агломерационные механизмы развития, и практически безальтернативным ресурсом инновационного развития здесь должны стать механизмы, типичные для островных инновационных систем¹⁵; очевидно, что и возможность вовлечения в эксплуатацию молодых месторождений пока исчерпана. Именно изоляция парадоксальным образом уже способствовала и достройке в Урае элементов обрабатывающей промышленности (например, строительство НПЗ, производящему, в частности, авиакеросин для местных нужд).

Еще один центр в ядре западной кольцевой подструктуры фронтального цикла – Нягань со штаб-квартирой компании¹⁶, долгое время имевшей в активе, главным образом, разрабатываемые с 1980-х годов старые участки месторождений Красноленинской группы (Талинский и др.). Как и Нижневартовск, столкнувшись с истощением месторождений (но в отличие от Урая, имея выгодное транспортное положение на железнодорожной станции), Нягань сумела активизировать внутренние ресурсы, стать одним из главных центров развития малого предпринимательства округа. Здесь же появилось одно из немногочисленных предприятий окружного лесоперерабатывающего комплекса. Судя по социологическому опросу, Нягань стала и самодостаточным центром сферы услуг для окружающей территории: здесь приобретают разнообразные товары и услуги без необходимости поездки в более крупные центры. В последние годы наметился интересный поворот в развитии Нягани: «В 2007—2008 гг. предприятие приобрело четыре лицензионных участка в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции — Восточно-Воргамусюрский (Ненецкий АО), Берганты-Мыльский (Ненецкий АО), Роговской (Ненецкий АО) и Участок № 2 Гряды Чернышева и Хорейверской

¹⁴ <http://www.lukoil-zs.ru/about/structure/uraineftegaz/>

¹⁵ Пиясов А.Н. И последние станут первыми... Северная периферия на пороге экономики знания. М.: УРСС, 2009.

¹⁶ В настоящее время – ОАО «РН-Няганьнефтегаз».

впадины (республика Коми).»¹⁷ Таким образом Нягань, пройдя стадии локальной базы фронтального, бумового освоения (80-е годы) и стадию города ядра фронтального цикла освоения, отрезанного от новых участков, города социальной укорененности, в миг превратилась в тыловую базу фронтального освоения нефтегазовых ресурсов далеко за пределами округа. Можно надеяться, что на уже сложившейся базе предпринимательского поиска новые месторождения будут и далее не глушить, а усиливать перспективы социально-экономического развития; при этом желательно, как и в ядре восточной зоны, интенсифицировать агломерационные процессы взаимодействия с соседними городами и поселками.

Наконец, Югорск также имеет самобытную историю и позицию. Структурообразующее предприятие города – Югорсктрансгаз сложилось в период освоения ближних газовых месторождений Березовского района (Игримская группа). В настоящее время структура обслуживает транспорт газа на огромной территории от ямальских месторождений (Уренгойское, Заполярное, Ямбургское, Медвежье) – таким образом, из локальной базы город стал тыловой – что, в общем, является одной из типичных стратегий развития городов в ядре фронтального цикла освоения ресурсов. По этой роли, по удобному транспортному положению «на входе» в округ из Свердловской области, по развитой инфраструктуре, самобытному культурному развитию (югорские карнавалы) Югорск, безусловно, выделяется из прочих городов Югры – даже не смотря на то, что административным центром района стал соседний Советский. Все это позволяет сопоставлять Югорск по его роли для западной части округа с Сургутом – соответственно, по его роли деловой столицы востока округа (разумеется, с оговоркой на несопоставимый масштаб).

Таким образом, западная внутренняя зона фронтального кольца, как и восточная, оказывается на самом деле трехъядерной – она сложилось на основе первичного освоения месторождений, во-первых, Шаимской группы на границе Кондинского и Советского районов (база – Урай), во-вторых, на основе почти смыкающейся с предыдущей зоны освоения Талинского месторождения, и в-третьих, зоны освоения Игримской группы газовых месторождений, «продуктом» которой стал Югорск, ныне связанный с транспортом газа по огромной территории.

Передовой край освоения здесь урезан: по сути, сегодня это только молодые участки Краносленинской группы, а также месторождения Ханты-Мансийского района. Перспективной, однако, считается разведка месторождений Карабашского НГР (юг Кондинского района) и Сергинского НГР (север Октябрьского района). Эти направления замыкают обращенную на восток дугу пионерного освоения западной фронтальной зоны.

Описание ее неполно, однако, без упоминания более ранних фронтальных циклов. Оставляя наиболее раннюю, «пушную» волну освоения (породившую, в частности, Березово), обратим внимание на следующие. В период до бумового нефтяного освоения Югры – территория Кондинского, Советского, Октябрьского районов стала зоной совершенно иного цикла ресурсного освоения – лесного. По уровню генерации доходов лесной цикл был не сопоставим с нефтяным, и, по-видимому, имел иную структуру (не круговую, а линейную: в «довертолетную» эпоху освоение было в большей степени привязано к трассам, осваивались участки

¹⁷ http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/western_siberia/njaganneft/

вдоль них). Тем не менее, современная картина складывается не только из нефтегазового цикла, но из «остатков» лесопромышленного.

Аналогично, район Игримских месторождений Березовского района – это ведь по сути, ядро первого газового освоения Сибири на самой поздней своей стадии развития. По быстрому освоению и малым объемам запасов Игрим и Березово не успели вырасти до масштабов городов Сургутского Приобья (или даже Нягани); по сути, не успели конвертировать успех краткого фронтального бума в дальнейшее социально-экономическое развитие, накопить агломерационный потенциал. Пользуясь геоморфологическим языком, современный восток Березовского района – это «погребенная» структура более раннего фронтального цикла (от которой, по сути, остался один Югорск, воспользовавшийся неоспоримым преимуществом транспортного положения). Об этом важно помнить: города в ядрах современных фронтальных кольцевых структур на западе и востоке округа стоят сегодня перед важным выбором. Или они становятся форпостными и тыловыми базами освоения дальних месторождений (что, впрочем, не уберегает их от будущего истощения уже и этих месторождений), или они выходят из фронтальной динамики, становятся на путь развития городов староосвоенной территории, где преимуществом становится уже не месторождение, но инновационный поиск и агломерационный эффект (для последнего необходима хорошая транспортная инфраструктура и близость к другим городам). Третий вариант – вариант Игрима – то есть превращения в малое поселение местного значения.

Березовский район в настоящее время по совокупности факторов следует относить уже к территории окружного резерва (в эту категорию он, по сути, вернулся после краткого периода освоения месторождений Игримской группы); однако в будущем (например, с реализацией проектов «Урал промышленный – Урал полярный») может начаться новый фронтальный цикл. То же относится и к южной части Кондинского района (здесь ожидается начало фронтального цикла с освоением Карабашского НГР).

Уникально место Ханты-Мансийска в современной экономической структуре округа. В период раннего освоения он был в стороне от основных точек экономического роста, и только административный статус столицы округа способствовал его экономическому и градостроительному росту. Сейчас же, когда «передовые валы» фронтального освоения, кольцеобразно расходящиеся от двух основных его очагов – восточного (Сургут – Нефтеюганск) и западного (месторождения Октябрьского района), буквально сошлись на Ханты-Мансийском районе, столица округа оказалась буквально в эпицентре событий не только административных, но и экономических. Быстро прирастает добыча нефти в некогда периферийном для нефтегазового освоения Ханты-Мансийском районе; закономерно Ханты-Мансийск стал штаб-квартирой крупного подразделения нефтегазодобывающей компании – «Газпромнефть – Хантос».

Сложившиеся компетенции и инфраструктура оказания мобильных услуг, сформированная в период почти что изоляции Ханты-Мансийска от остальной территории округа (например, сформированная служба мобильной медицинской помощи и диагностики на базе как плавучего судна, так и автотранспортных средств) в современных условиях становятся важным конкурентным преимуществом города не только как локальной, но и как форпостной базы освоения удаленных территорий (так, например, бригады Центра

профессиональной медицины действуют в ЯНАО и Якутии)¹⁸. В перспективе у Ханты-Мансийска и всего округа в целом есть перспектива занять нишу центра удаленных услуг, связанных с освоением территорий Севера и Арктики (медицинских, транспортных, строительных, коммуникационных – в т.ч. удаленного образования, экологического консалтинга, адаптации техники к суровым климатическим условиям и т.п.).

Перед «линией фронта» фронтального освоения лежат пока малоосвоенные территории традиционного природопользования, а также стагнирующие территории более ранних этапов освоения в Березовском, Кондинском, Белоярском районах, в окраинных зонах Сургутского, Нижневартовского, Нефтеюганского районов.

Эти территории нельзя считать «отстающими», депрессивными – напротив, это очень важная для Югры зона, поставляющая «на экспорт» символические ресурсы развития округа. Это источник своеобразия Югры на фоне других нефтедобывающих территорий, основа ее имиджа, ее культуры. Не случайно именно чум стал узнаваемым символом Югры и на официальных логотипах, и в ландшафте городов Югры, ее аэропортов. Районы традиционного хозяйствования коренных малых народов Севера – это и важнейший ресурс компетенций и творческих идей в деле освоения Севера; материальная культура народов практически всех Северных районов планеты дала и продолжает давать прототипы специфической техники и приемов освоения этих территорий (сборно-разборные жилища, глухая полярная одежда, байдарки, санные виды транспорта и др.). Разработка новой техники и предметов обихода для освоения северных и арктических территорий мира при активном и творческом использовании материальной культуры местных народов – потенциальная высокотехнологическая ниша Югры, пока «перехватываемая» у нее соседними регионами¹⁹.

В то же время, фундаментальная черта зоны контакта территорий окружного резерва и передового «вала» ресурсного освоения – это опасность особенно острых конфликтов в отношении прав землепользования; это подтверждает вся история фронтального освоения от эпохи конкистадоров и истребления североамериканских индейцев до наших дней. Острая борьба коренных народов за земельные участки идет на Севере Канады; еще недавно была характерна для Аляски. Фронтальные конфликты в силу их остроты – тоже мощный ресурс формирования имиджа территории.

Сегодня аналогичный вызов стоит перед Югрой: умение найти оптимальный путь разрешения конфликта в районе озера Нумто (изменение зонирования национального парка в интересах Сургутнефтегаза) может стать важным элементом нового имиджа Югры как территории «зеленой нефтедобычи», «территории, дружественной коренным народам Севера». Подобный имидж уже закрепился за Сургутнефтегазом – самой укорененной компанией округа – и важно не разрушить его, а напротив, укрепить, усилить.

В предыдущие годы на переднем крае фронтального освоения территории уже случались конфликты в отношении недропользования, сталкивались интересы коренных народов, интересов охраны природы и нефтегазодобычи. Важно, что сегодня территории прошлых конфликтов стали, напротив, новыми точками

¹⁸ https://cphmao.ru/corporate-customers/kdpp/index.php?sphrase_id=1049

¹⁹ Речь идет, например, о Лаборатории арктического дизайна в Екатеринбурге, разрабатывающей транспорт специального назначения и мобильные жилища с использованием опыта коренных народов Югры (ссылка).

производства символического капитала округа: это, например, парк «Кондинские озера» (зона деятельности Лукойла в Советском районе). В подобных условиях переднего края освоения (правда, без острого конфликта) сформировался и основанный Ю. Вэллой музей в Варьёгане (относительно недалеко от трассы на Радужный, что делает его доступным для туристов – и как бы форпост внутренних, глубинных территорий проживания КМНС, откуда в Варьёган свозились предметы для экспозиции). Аналогична история Русскинского музея природы и человека (Сургутский район – район месторождений к западу от Когалыма) и др.

Таким образом, зонирование территории округа осуществляется по основным факторам, обеспечивающим опережающее социально-экономическое развитие. Это место конкретной территории в пространственно-временном фронтальном цикле освоения нефтегазовых ресурсов округа, транспортно-логистическое положение и административный статус (размещение корпоративных штаб-квартир и региональных органов управления).

В свою очередь, остальные черты социально-экономического развития (уровень корпоративных, персональных и бюджетных доходов, уровень благоустройства населенных пунктов, уровень развития предпринимательства, основные социальные проблемы и деятельность гражданского общества являются в значительной степени производными, зависимыми от фундаментальных факторов). В то же время, на них в известной степени можно влиять через качество муниципального управления, деятельность гражданского общества, креативную энергию местного сообщества.

Таким образом, различия особенностей социально-экономического развития между выделенными группами муниципальных образований определяются фундаментальными факторами: местом в пространственно-временном цикле освоения нефтегазовых ресурсов. Различия особенностей отдельных муниципальных образований внутри групп определяются преимущественно институциональными факторами и могут быть предметом муниципальной и региональной политики по улучшению условий социально-экономического развития.

Выделяемые на территории Ханты-Мансийского автономного округа группы муниципальных образований представлены в таблице:

Таблица 4

Зональные типы социально-экономического развития муниципальных образований Югры

Бум экономическо го роста	Пиковая и пионерная стадии пространствен но-временного цикла фронтального освоения нефтегазовых ресурсов	Ханты-Мансийский р-н, Белоярский р-н (восточная часть), Западная (Приразломное месторождение) и южная части Нефтеюганского района, Восточная часть Октябрьского района (прилегающие к Оби участки Красноленинской группы месторождений),	г. Ханты- Мансийск
------------------------------	---	--	-----------------------

		Восточная часть Нижневартовского района (Бахировский и Варьеганский НГР) В перспективе: север Октябрьского р-на (Сергинский НГР), юг Кондинского района (Карабашский НГР)		
Зона потенциально го социального комфорта	Ядро фронтального цикла (локальные базы месторождений с падающей добычей)	Города, наряду с ролью локальной базы выполняющие роль форпостной или тыловой базы для удаленных молодых месторождений: Когалым <i>Радужный</i> Нефтеюганск Нягань (с 2008 г.), Югорск	Города – локальные базы месторождений с падающей добычей, вынужденные осуществлять переход на внутренние ресурсы развития <i>Урай, Покачи, Лангепас, Мегион, Пыть-Ях, Нижневартовск, Нягань</i> (в начале 2000-х)	Сургут
Окружной резерв: территории ранних стадий освоения, территории традиционного землепользования		Нет		Березовский; окраинные зоны Нижневартовского, Сургутского, Белоярского, Ханты-Мансийского и др. районов

Примечание: курсивом показаны города с негативной ролью транспортного положения (города-изоляты, расположенные дальше 50 км от основных наземных транспортных магистралей округа).

Отнесение того или иного административного района к зональному типу социально-экономического развития условно: отдельные участки крупных районов (например, Сургутского), очевидно, попадают во все три зоны.

То, что в качестве критерия зональной дифференциации условий социально-экономического развития выбран фронтальный пространственно-временной цикл освоения ресурсов делает динамичной саму классификацию: по мере продвижения переднего края освоения смещаются и границы зон. В частности, в связи с потенциальным освоением новых месторождений Карабашского нефтегазоносного района Кондинский район может перейти в зону экономического роста.

Фундаментальной основой зонирования округа является роль сырьевого сектора в окружной экономике, влияющий прямо или косвенно на большинство аспектов социально-экономического развития Югры. В частности, нефтегазодобывающий профиль северной югорской экономики определяют высокую оснащенность округа основными производственными фондами.

Если сопоставлять отраслевую структуру основных производственных фондов по трем широтным зонам – умеренной – юг Тюменской области, северотаежной – Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, арктической – Ямало-Ненецкий автономный округ (рис. 5), то очевидна более диверсифицированная природа структуры производственных фондов Югры по сравнению с Ямалом, но существенно уступающей широте отраслевой структуры производственной фондов юга Тюмени. В Югре заметно больше доля фондов обрабатывающей промышленности по сравнению с Ямалом.

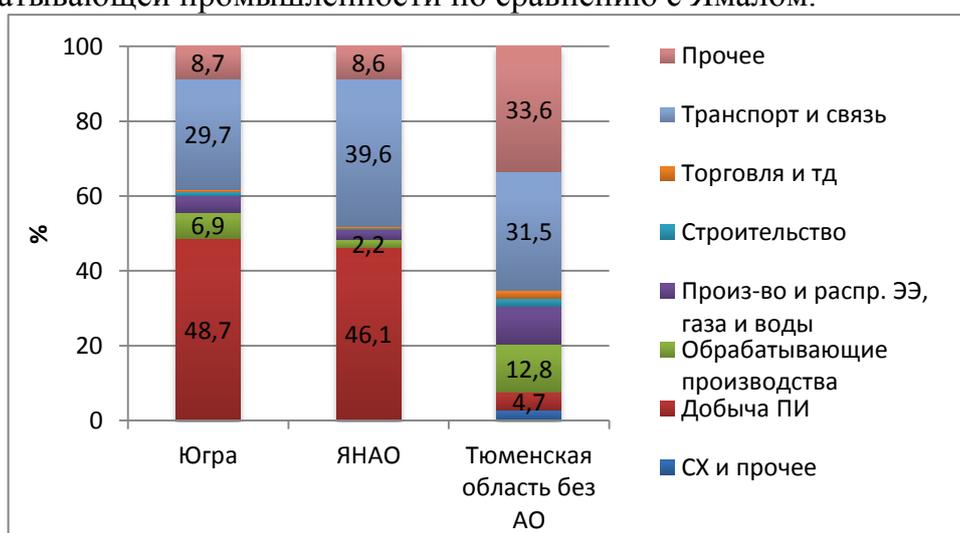

Рис. 5. Структура основных производственных фондов по видам экономической деятельности, 2014 год

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015.

Негативной характеристикой, отражающей состояние основных фондов региона, является повышенный уровень их износа, который в 2014 году достиг значения 66%, при среднероссийском значении – 49%. Это один из худших показателей среди всех субъектов РФ.

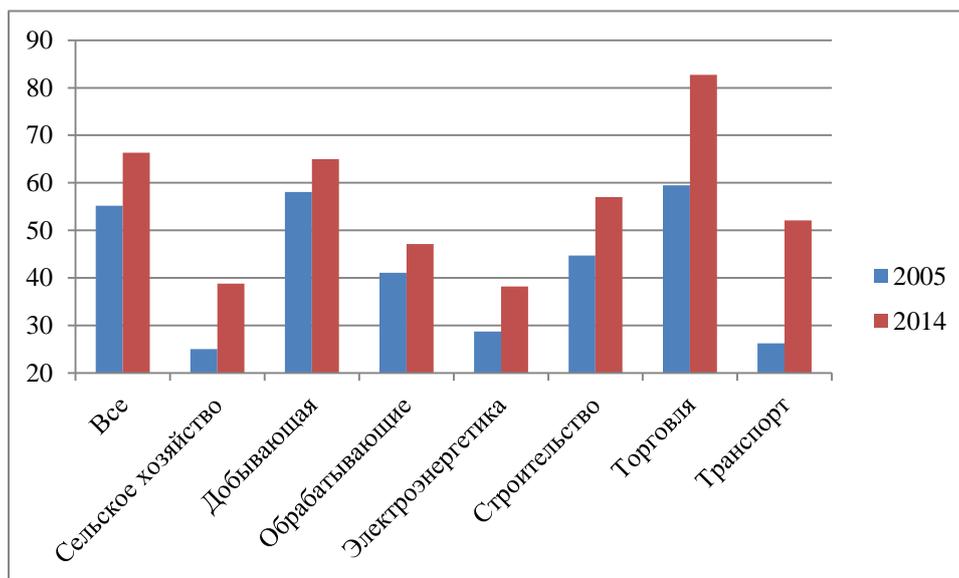

Рис. 6. Степень износа основных фондов по видам экономической деятельности в ХМАО в 2005 и 2014 годах, %.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

На долю сектора добычи полезных ископаемых приходится около 50% всех основных фондов округа, второе место – на транспорт (около 30%), обрабатывающие производства – 6% и электроэнергетика – около 5%. Несмотря на рост доли основных фондов добывающего сектора в последние десять лет, происходит диверсификация структуры основного капитала, что в целом отражает процесс диверсификации хозяйства региона (рис. 7).

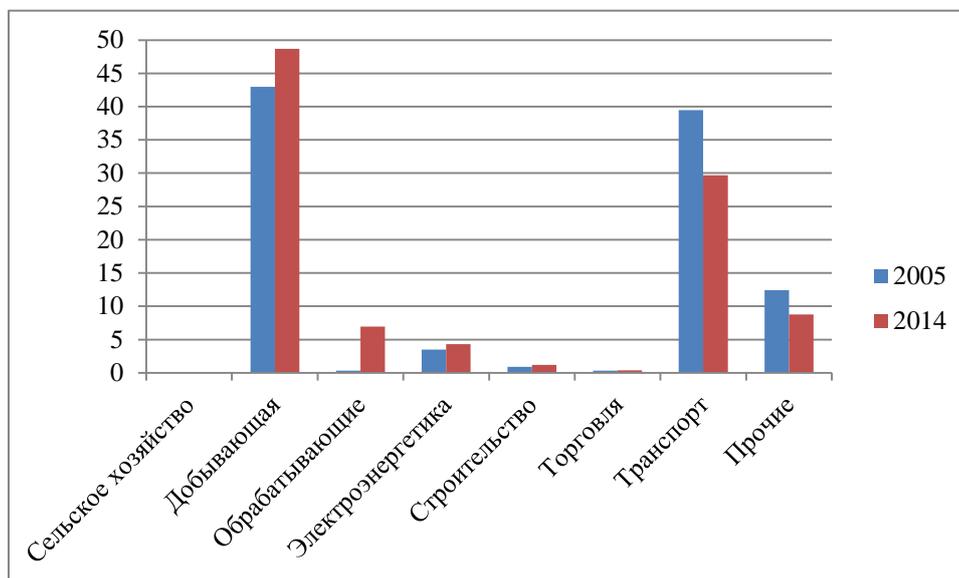

Рис. 7. Структура основного капитала по видам экономической деятельности в Югре в 2005 и 2014 годах.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015.

Пространственное размещение основных производственных фондов отражает новейшую историю освоения югорского фронта: на вторую зону, в которой около полувека назад начался реализовываться советский суперпроект освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, приходится львиная доля всех основных производственных фондов округа. Региональными лидерами

по обеспеченности основными фондами являются города Сургут, Нижневартовск (табл. 5), Сургутский, Нижневартовский, Нефтеюганский районы. Здесь расположены базовые активы системообразующих предприятий регионального топливно-энергетического комплекса - «Сургутнефтегаз»; Юганскнефтегаз»; «Когалымнефтегаз»; «Ноябрьскнефтегаз»; «Мегионнефтегаз»; «Лангепаснефтегаз»; «Самотлорнефтегаз»; «Нижневартовское нефтегазодобывающее предприятие»; «Роснефть-Нижневартовск»; «СибурТюменьГаз» и др.

Таблица 5

Показатели основных фондов (без субъектов малого предпринимательства) в городах Югры с населением более 100 тыс. человек

Год	Сургут			Нижневартовск			Ханты-Мансийск			Нефтеюганск		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Основные фонды, млрд. руб.	56,2	60,1	66,5	27,3	34,9	36,9	16,0	33,6	20,4	9,1	13,0	14,3
Ввод, млрд. руб.	3,1	5,1	4,0	1,3	3,4	5,7	2,3	2,4	2,3	0,4	0,8	0,6
Степень износа, %	40,0	42,7	46,1	50,3	44,9	46,6	24,4	26,2	29,1	42,4	42,0	43,3
Полностью изношенные фонды, %	7,1	8,8	11,8	15,7	17	16,8	1	1,8	2,3	12,8	12,9	14

Источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2013

Важнейшей особенностью последнего десятилетия является подготовка югорского пространства к новому витку нефтегазопромышленного освоения, на периферии современного «кольца» основной добычной активности компаний. С точки зрения основных производственных фондов это означает начало их масштабной передислокации в направлении нового нефтяного фронта – в Ханты-Мансийский, Белоярский районы, на запад и юг Нефтеюганского района и др. Именно здесь формируются новые лицензионные участки разведочных и добычных работ округа. В том числе поэтому возвышается значение центра округа и нового Ханты-Мансийского района добычной активности, Октябрьского и Белоярского районов (зона 1 нового фронтального освоения).

Другая тенденция в пространственном размещении основных производственных фондов состоит в увеличении доли обрабатывающих производств во второй зоне старого фронта, в крупных приобских городах, которые из локальных баз освоения ближних месторождений постепенно превращаются в форпостные базы освоения «дальних» месторождений. Основные фонды здесь увеличиваются за счет модернизации и вводе в эксплуатацию новых объектов нефтепереработки и нефтегазохимии. Здесь же увеличиваются основные производственные фонды электроэнергетики.

Таким образом, в первую зону нового добычного фронта, которая находится на внешней периферии двух основных добычных колец прежнего пионерного нефтепромышленного освоения, постепенно передислоцируются активы крупных нефтегазодобывающих компаний округа (Сургутнефтегаз, Газпромнефть, Лукойл и Роснефть). С другой стороны, внутри староосвоенной второй зоны, в цепочке крупных приобских нефтегородов, закономерно

укрепляются основные производственные фонды обрабатывающей промышленности, электроэнергетики и различных видов производственного сервиса.

На перспективу ближайших 15 лет можно ожидать, что эти уже обозначившиеся тенденции укрепятся. Динамика пространственной передислокации основных материальных активов будет возрастать и провоцировать новые конфликты между различными землепользователями – прежде всего традиционными землепользователями в виде коренных малочисленных народов и нефтегазовыми компаниями. На стадии истощения основных нефтегазовых активов округа абсолютно неизбежно, что пространственная мобильность основных акторов окружной экономики будет нарастать как за счет устремления на новые территории, так и за счет передислокаций внутри уже освоенных территорий «старого ядра», т.е. второй зоны. Если в первой зоне основной тренд будет состоять в пространственной экспансии основных производственных фондов на новые территории, то во второй зоне – в «углублении», уплотнении размещения основных производственных фондов в крупных нефтегородах за счет наращивания слоя обрабатывающих производств, предприятий в капиталоемкой электроэнергетике, транспорте, строительстве.

Что касается «лесных» активов – основных производственных фондов Советского, Октябрьского, Кондинского и частично Нижневартовского районов, то здесь их высокая пространственная рассредоточенность, повторяющая ареальное распространение и самих лесных ресурсов, сохранится и на перспективу. Пространственной экспансии на новые территории не будет. Но на территориях старого освоения (Кондинский, Советский районы) оправданно ожидать дальнейшего углубления деревопереработки и потому создания новых основных производственных фондов лесоперерабатывающих производств.

Система информационных коммуникаций территориально приурочена к городам и крупным населенным пунктам второй, староосвоенной зоны, автономного округа. Несмотря на то, что округ является регионом-лидером (второе место в России после ЯНАО) по показателю распространения сети Интернет среди хозяйств населения (табл. 7), без доступа к сети Интернет все еще остаются 36 (из 197) отдаленных населенных пунктов первой и третьей зоны, еще 78 населенных пунктов имеют доступ к сети Интернет с ограниченной скоростью и только 82 населенных пунктов преимущественно первой, староосвоенной зоны, в которой сосредоточено 94% населения округа, обеспечены качественным высокоскоростным Интернетом. Неравномерность развития ИКТ-инфраструктуры внутри пространств округа, конкретно между второй, староосвоенной, с одной стороны, и первой, нового фронта и третьей, «резервной» зонами является важнейшей характеристикой.

Югра характеризуется дискретным распространением по своей территории технологий сотовой связи и услуг сети Интернет: остается огромное число территорий, полностью не охваченных услугами сотовой связи (до 80-90% территории ХМАО для разных операторов сотовой связи)²⁰.

Территориальная дифференциация округа по уровню ИКТ-обеспеченности, как правило, совпадает с тремя зонами освоенности. Районы второй,

²⁰ Анализ производился на основании карт покрытия связи «Мегафон» и «МТС».

староосвоенной зоны, представляют собой зону наибольшего развития информационных технологий, с относительно высокой степенью покрытия территории услугами сотовой связи и Интернета – это Нефтеюганский, Сургутский районы, западная часть Нижневартовского района, города Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Когалым, Покачи, Лангепас, Мегион.

Современное и перспективное развитие малого и среднего предпринимательства в округе будет очень чувствительно к характеру основного для всей экономики округа нефтепромышленного освоения. Поэтому предпринимательская энергия, тонус, формальные показатели будут радикально различаться в каждой из трех зон освоения.

В первой зоне нового ресурсного фронта очень активного поведения крупных нефтегазовых компаний трудно надеяться на предпринимательский бум. Новые нефтепромыслы просто «перешибут» всякие попытки окружной и муниципальной власти выращивать местный предпринимательский слой. Создаваемая здесь корпоративная экономика, всецело подчиненная интересам крупных компаний, будет враждебна предпринимательству, которое здесь будет присутствовать в очень скромном виде нестационарной торговли (приходящие извне фирмы), очень слабо диверсифицированного и слабо развитого малого бизнеса, абсолютно отчужденного от процесса нефтедобычи. Разумно ожидать, что не более 15-18% всего экономически активного населения будет занято в малом и среднем предпринимательстве. В тональности отчетов по результатам господдержки предпринимательства, как это принято в таких случаях, будут превалировать жалобы на проблемы – дефицит помещений для аренды, иждивенческие настроения среди местного населения, малая инициативность, безответственность и так далее. На самом деле это означает лишь то, что все талантливые и энергичные местные люди просто уже «разобраны» по новым нефтепромыслам и заняты в деятельности, прямо или косвенно связанной с новым ресурсным фронтом. Речь идет о районах нового освоения в Ханты-Мансийском, Октябрьском, Белоярском, Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Кондинском районах.

Во второй зоне прошлого ресурсного фронта проявляются абсолютно другие тенденции в развитии предпринимательства. Во-первых, предпринимательство здесь – прежде всего городской феномен, приуроченный к цепочке мощных, созданных в последние 50 лет, приобских нефтегородов. Для сравнения отметим, что очень вяло развивающееся предпринимательство первой зоны – это районный феномен, который не может опираться на городскую культуру, на городские якоря просто в силу того, что крупных городских поселений в первой зоне практически нет. Городская природа здешнего предпринимательства очень многогранно сказывается на его природе: это и возможность активно использовать инфраструктуру поддержки, инновационную инфраструктуру, которая создается в последние годы во многих нефтегородах; это и городской характер многих предпринимательских проектов, ориентированных на радикальную комфортизацию местной городской среды, жилищно-коммунального хозяйства; это и возможность работать одновременно на рынках соседних городов, входящих в одну городскую агломерацию или расположенных в одном местном рынке труда.

Во-вторых, предпринимательство многих нефтегородов имеет вынужденный характер – в том смысле, что характер истощения природных активов здесь уже

таков, что поддержать занятость прежнего количества работников просто невозможно. Поэтому у них есть выбор между выездом из города, округа на материк, либо – если место комфортно и они к нему прикипели – поиска себя в самозанятости, в предпринимательстве.

В-третьих, именно истощенный характер основных природных активов (о чем ярко свидетельствует рост доли бездействующих и малодебитных скважин) обеспечивает предпринимателям возможность, наконец, вхождение на этот рынок, прежде десятилетия для них закрытый. Поэтому абсолютно естественно ожидать, что уже в среднесрочной перспективе будет происходить поэтапная передача на договорных условиях низкорентабельных месторождений (как старых, так и новых), затем отдельных скважин, групп скважин от Сургутнефтегаза, Роснефти, Лукойла малым добычным предприятиям, аффилированным с крупными нефтегазовыми компаниями. В этом случае вблизи мест добычи будут возникать мобильные сервисные компании по обслуживанию скважинного оборудования.

Возникнет децентрализованная схема хозяйствования, когда прежде городские предприниматели Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска будут переселяться ближе к добычной активности, в локальные базы нефтепромышленного освоения. Вслед за добычными предпринимателями туда устремятся малые фирмы нефтесервиса, транспортные, строительные фирмы. Возникнет абсолютно новая система расселения в старых нефтепромышленных районах второй зоны, которая придаст новую динамику нефтепромыслам, за счет новой организационной (малый бизнес), институциональной (децентрализация управления) и расселенческой системы (возвышение значения малых и средних локальных, а не форпостных баз освоения). Это вызовет настоящий экономический бум в старопромышленных Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском районах. Непосредственно на месторождениях, теперь отданных малому бизнесу, будут созданы малые предприятия по переработке попутного нефтяного газа в интересах теплоэнергообеспечения рядом расположенных поселений. Годами обсуждаемый и не решаемый вопрос утилизации попутного нефтяного газа, в новой схеме отработки месторождений не крупным, а малым бизнесом, будет решен относительно быстро и легко.

В это же время в крупных городах-форпостных базах (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск), с накопленным за полвека освоения богатым интеллектуальным потенциалом в сфере геологоразведки, геофизики, наукоемкого нефтесервиса, малый и средний бизнес выйдет на субконтрактинг с крупными нефтегазовыми компаниями – оказание производственных услуг различного вида (например, в компьютерном моделировании условий разведки и добычи). Возможные направления субконтрактинга уже отчетливо обозначаются в профиле инновационных проектов, заявленных малым бизнесом для топливно-энергетического комплекса (размещены на сайте окружного Фонда поддержки предпринимательства). Помимо оригинальных технических решений, эти инновации в нефтесервисе призваны будут снизить для компаний всегда высокие северные издержки добычи, и особенно высокие на стадии истощения природных активов.

Городское предпринимательство второй зоны будет также разрабатывать относительно новую для себя нишу нефтегазопереработки в виде малотоннажной, но диверсифицированной по продуктовой цепочке газохимии, производства строительных материалов.

Идеи предпринимательского региона в округе будут реализованы прежде всего именно во второй зоне, где реально ожидать в конце прогнозного периода, 2030 году, что более трети (в отдельных городах – до половины и более) экономически активного населения будет занято в предпринимательстве.

Совсем другие тенденции обозначаются в развитии предпринимательства в *третьей зоне* окружного резерва. Здесь получает развитие этническое предпринимательство коренных малочисленных народов Севера в виде этнического туризма (посещение стойбищ оленеводов, катание на собачьих упряжках, на оленях, службы гидов для въездных туристов и др.); производство этнической пищи для городских потребителей округа; этнический дизайн для использования при разработке узнаваемых окружных брендов; сувенирное производство на основе традиционных промыслов и ремесел. Другие виды предпринимательства получают здесь развитие преимущественно в полустационарной и нестационарной форме, т.е. в виде ярмарок, передвижных лавок и выставок для продажи.

Пространственная структура важнейших нефтегазовых компаний абсолютно четко обозначает особенности поведения каждой из них - если понимать ее не статично, а динамически, как результат происходящих в последние годы сдвигов на территории нового ресурсного фронта в округе (рис. 8).

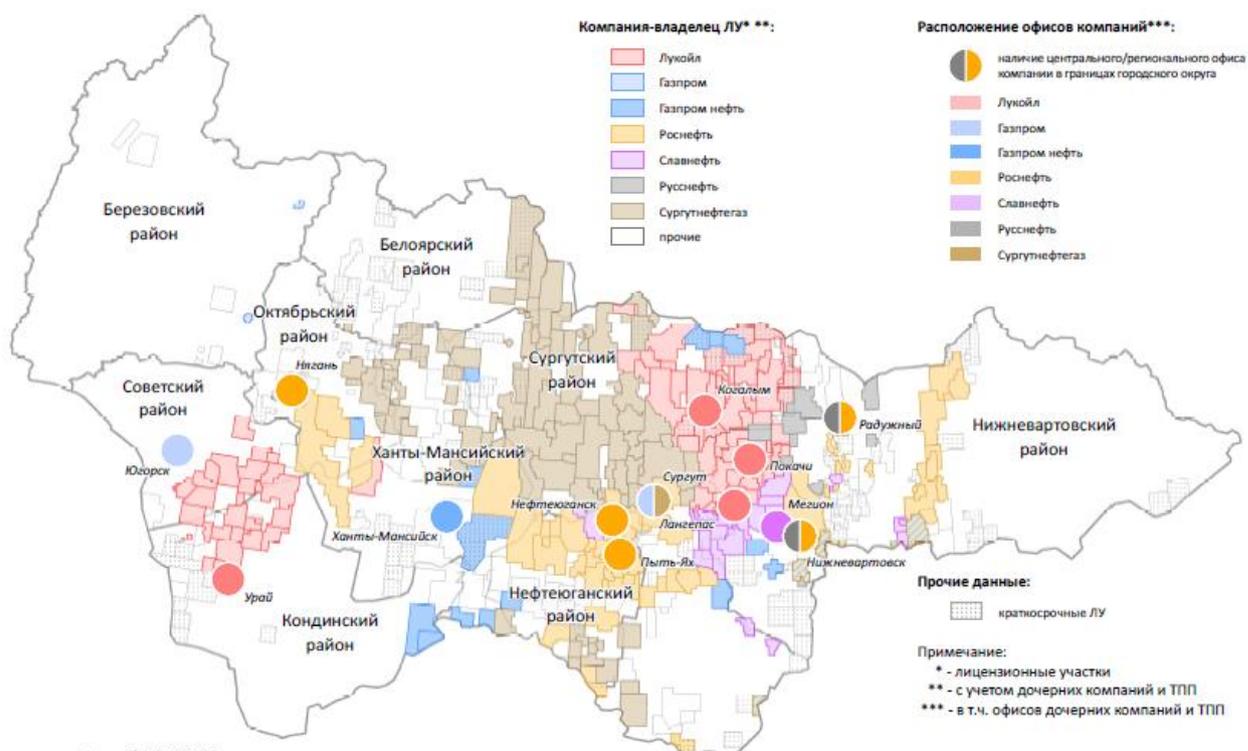

Рис. 8. Корпоративные пространства Югры

Сургутнефтегаз все первое десятилетие своего существования не выходил за пределы Сургутского района, имел природу «районной корпорации». Но вот со второй половины нулевых годов пространственное поведение компании обрело новую, невиданную ранее динамику, - и не столько в пределах Сургутского района, как в масштабе всего округа, севера России в целом. Компания пришла в Якутию, а в округе стала выходить из районной колыбели

Проникновение Сургутнефтегаза в Белоярский район абсолютно естественно, потому что оно есть просто пространственная экспансия его уже многолетней активности в Сургутском районе, в котором компании уже становится предельно тесно, ввиду значительной истощенности основных промысловых участков. Можно назвать это движением на запад - в отличие от движения на восток, на Талакан в Республике Саха-Якутия. Другая сфера экспансии Сургутнефтегаза – приграничные территории Ханты-Мансийского и Октябрьского районов.

Но это означает революцию во внутрикорпоративной пространственной политике компании: ранее ей нужно было одолевать издержки пространственного трения значительно удаленных друг от друга промысловых участков гигантского по площади, но одного-единственного Сургутского района, а теперь – работать по компактным контурам очень небольших в сравнении с Сургутским районом нефтеносных ареалов. Возникают абсолютно новые требования мобильности для компании (одно дело – работа в «домашнем районе, другое – по нескольким «точечным» ареалам в округе и за его пределами) и вызовы для нового внутрикорпоративного управления, к которым компаниям, видимо, инерционно работающая по своим прежним нормам и правилам одного огромного по площади, но компактного с точки зрения концентрации в нем всех промысловых участков, пока еще не готова. И эти вызовы внутрикорпоративного управления усиливаются тем, что на корпоративной территории компании, помимо монополю доминирующего города Сургута нет субцентров, способных эффективно выполнить функции новых баз освоения в зонах новой активности «Сургутнефтегаза», в отличие, например, от Лукойла, у которого на его корпоративной территории таких субцентров – локальных баз – несколько: Когалым, Урай, Лангепас и др.

Пространственное трение для активности Лукойла существенно меньше, чем у Сургутнефтегаза. Причина в том, что у компании никогда не было монополю доминирования в добыче только одного промыслового района: она была относительно равномерно разнесена по нескольким центрам, и эту идеологию, эту философию обозначало само название компании: Лангепас-Урай-Когалым = Лукойл. Сегодня Когалым-Лангепас формируют практически слитную единую зону нефтепромысловой активности компании, а Урай обозначает вторую крупные область нефтепромыслов Лукойла на границе Советского и Кондинского районов. И пока компания осуществляет экспансию в округе в рамках «смыкания» лицензионных участков в единую область, заполняя имеющиеся пустоты – в то время, как Сургут, у которого таких пустот для точечной застройки уже не осталось, вынужден был еще в прошлом десятилетии начать радикальную передислокацию за пределы своей колыбели – Сургутского района.

В отличие от Сургутнефтегаза и Лукойла, Роснефть не имеет крупных сомкнутых ареалов промысловой активности нигде в округе: у нее сейчас обозначаются пять небольших областей – в приграничных территориях Октябрьского и Ханты-Мансийского района, вплоть до Нягани и в направлении к Ханты-Мансийску (пока еще есть возможности внутреннего смыкания/вклинивания участков за счет «пустот» и «полостей»); на границах Ханты-Мансийского, Нефтеюганского и Сургутского районов (также есть небольшие возможности внутреннего смыкания/вклинивания участков); в районе Нижневартовска (Самотлор); в Нижневартовском районе в виде цепочки Колик-

Еганского и соседних месторождений; участки на юге Нефтеюганского района на границе округа с Тюменской областью.

Славнефть можно признать усеченной Роснефтью по ее пространственной структуре добычных участков в том смысле, что у нее они тоже небольшие по площади, но у Роснефти таких «кусков» четыре, а у Славнефти только один в районе Мегиона (а также два-три точечных участка в Нижневартовском и Сургутском районах).

Еще меньше нефтепромысловая область у Руснефти, которая имеет участки в небольшой промысловой области посередине между Когалымом и Радужным (район Новоаганска – Варьегана) и к востоку от Радужного.

Предельно дисперсные, рассредоточенные лоскутки лицензионных участков Газпромнефти: ее территориальная структура из всех компаний-грандов самая фрагментированная. И такая территориальная структура диктует самое инновационное поведение в разведке и добыче среди всех компаний. И это легко объяснимо: Газпромнефть пришла в округе на уже в основном распределенные основные природные активы, поэтому вынуждена быть инноватором, «подбирать» те участки, которым другим компаниям ввиду сложности условий отработки оказались не по зубам. Кроме того, она не могла надеяться на обретение компактных обширных слитных участков, как Сургутнефтегаз, поэтому имеет множество очень мелких участков в абсолютно разных по геологическим условиям районах. Это означает, что эта компания, почти как квази-малый бизнес, обязана гибко настраивать свои методы геологоразведки (бурения) и добычные работы на уникальные свойства каждого нового участка, почти нет возможности у нее рутинно воспроизводить техники разведки и бурения одного участка на другой – слишком далеко участки друг от друга и слишком велико разнообразие ситуаций в каждом случае. Требуется «штучная» настройка на каждый тип промыслового участка.

Получается, что шестерка основных нефтяных компаний округа абсолютно четко дифференцируется по своей пространственной структуре. На одном полюсе находится Сургутнефтегаз, который до недавнего времени имел максимально слитную территориальную структуру промысловых участков, в основном в Сургутском районе, далее следуют с нарастающей пространственной фрагментацией лицензионных участков – Лукойл, Роснефть, существенно меньшие по промысловым площадям Славнефть и Руснефть, и, наконец, Газпромнефть с предельно фрагментированной территориальной структурой промысловых участков.

Инновационное поведение компаний очень зависит от заданной территориальной структуры промысловых участков: чем более однородна и монолитна эта структура (Сургутнефтегаз), тем меньше стимулов к инновационной деятельности, к экспериментированию в добыче (зачем – если все участки на однородной по условиям площади). С другой стороны, чем более фрагментирована пространственная структура компании, чем более гетерогенны условия разведки и добычи, тем в большей степени востребованы производственные, технико-технологические новшества. Поэтому Гапромнефть как «latecomer» обречена быть инновационной, имея очень территориально разрозненные промысловые участки в различных нефтепромысловых районах округа.

Все нефтегазовые компании имеют свои региональные представительства в округе. С точки зрения социально-экономического развития, конечно, ситуация размещения местной штаб-квартиры в нефтегороде радикально отличается от

ситуации, когда город такой штаб-квартиры не имеет. В первом случае штаб-квартирность подчеркивает статус города, возможность напрямую получения корпоративных инвестиционных ресурсов. С другой стороны, отсутствие представительства компании обозначает периферийность нефтегорода и его отчужденность от процессов принятия решений внутри компании.

Здесь можно обозначить несколько ситуаций – кроме той, когда в городе просто нет никаких вообще штаб-квартир никаких компаний. В большинстве случаев в городе находится штаб-квартира одной компании: Нягань (Роснефть), Югорск (Газпром-трансгаз-Югорск), Урай (Лукойл), Ханты-Мансийск (Газпромнефть), Нефтеюганск (Роснефть), Пыть-Ях (Роснефть), Когалым (два ТПП Лукойла), Покачи (Лукойл), Лангепас (Лукойл). Уникален Радужный, «поделенный» Русснефтью и Роснефтью. В Нижневартовске почти десяток компаний, но большинство из них связано с Роснефтью. Наконец, в Сургуте – традиционной «вотчине» Сургутнефтегаза – размещены также штаб-квартиры компаний Газпром трансгаз Сургут и Газпром переработка.

В случае размещения в городе подразделений разных компаний нефтепромысловая монопрофильность города как бы размывается институциональной, организационной диверсификацией, наличием двух корпоративных культур, двух собственников нефтегазовых активов. Отношения конкуренции между ними на местном рынке труда, кооперации в вопросах перетоков знания и инновационных решений формирует более динамичную среду, очень полезную для творческого развития. К сожалению, такие случаи на территории округа, как уже сказано, единичны.

Можно рассмотреть и то, а в какой степени сами компании опираются на города Югры в своей деятельности. Как они используют их базовые функции? В качестве каких именно баз освоения?

На одном полюсе находится Сургутнефтегаз, который имеет единственную штаб-квартиру в Сургуте - что было абсолютно адекватно в ситуации, когда все активы компании концентрировались в Сургутском районе. Однако в современной ситуации выхода компании за рамки своей колыбели несоответствие штаб-квартирной территориальной структуры и быстро меняющейся территориальной структуры промысловых работ становится препятствием к дальнейшему росту эффективности разведочных и добычных работ. Но у Сургутнефтегаза нет локальных баз освоения, которые играли бы для него экономную роль аэропортов «подскока» к ближайшим промысловым участкам, участвовали бы в их инновационной модернизации, опробывании новых методов бурения, воздействия на пласт и других экспериментах.

Лукойл имеет более диверсифицированную, чем Сургутнефтегаз, структуру представительств компаний в городах своей активности: Лангепас, Урай, Когалым, Покачи. Еще более диверсифицированную структуру своих представительств имеет Роснефть, что отражает ее «сборку» из активов компаний Юкос и ТНК-ВР, каждая из которых имела свои представительства в нефтегородах округа, а Роснефть их все унаследовала: Нягань, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Нижневартовск, Радужный. То есть в данном случае это не является предпосылкой к инновационному пространственному поведению компании, а отражает всего лишь унаследованные особенности ее формирования из активов других нефтегазовых корпораций со своими местными представительствами.

Совсем другая ситуация у Газпромнефти, которая пришла в округ, когда основные нефтегазовые активы уже были розданы – и разместилась в столице округа, охватывая своей деятельностью, по сути, весь округ понемногу.

Размещение новых лицензионных участков нефтепромышленного освоения обозначает новые закономерности, характерные для территории, уже десятилетия вовлеченной в нефтегазодобычу. Новые участки, как правило, сравнительно небольших по сравнению с пионерным периодом, месторождений приурочены зачастую к границам муниципальных районов (приграничное, стыковое положение объясняет, почему ранее они не были разведаны и вовлечены в отработку); границам самого округа с соседними регионами на севере (ЯНАО) и юге (Тюменская область).

Участки новой волны нефтепромышленного освоения пока имеют характер «точечной застройки», не формируют единого пояса (оси) нового освоения, сплошной, территориальной структуры освоения, как это было на пионерном этапе нефтепромышленного освоения территории. Но уже начинает формироваться представление, как эти новые территориальные структуры (оси) будут выглядеть.

Первая ось с самыми продуктивными лицензионными участками по объемам добычи обозначается внутри Ханты-Мансийского и на границе Ханты-Мансийского и Октябрьского районов. Вторая ось с менее продуктивными, но также значительными по объемам добычи участками, формируется на юге округа, на границе Кондинского, Ханты-Мансийского и Нефтеюганского районов, на границе округа с Тюменской областью. Третья ось обозначается в Белоярском районе в зоне новой активности «Сургутнефтегаза», также на границах Белоярского района с Сургутским, Октябрьским, Ханты-Мансийским районами. Четвертая ось с многочисленными перспективными участками и средними объемами добычи – на границе Сургутского района и ЯНАО.

Если сравнивать позиции нефтегородов с на предмет качества близко расположенных к ним основных природных активов, то выяснится, что неплохие позиции у Когалыма, Радужного, Сургута (есть на юге перспективные участки), Пыть-Яха (может быть локальной базой освоения для удаленных, но ближе всех именно к нему расположенных системе нефтеносных участков на юге. Позиции Урая, Нягани, Нижневартовска с точки зрения наличия поблизости перспективных и продуктивных нефтеносных участков существенно хуже (их «промыслово-географическое положение сравнительно хуже), а в основном вокруг них расположены уже достаточно истощенные промысловые участки – неслучайно именно в этих городах возникают внутренние сильные импульсы к развитию местного предпринимательства, которое отчасти поэтому имеет вынужденный характер для тех, кто не хочет переезжать из города.

Ситуация с объемами добычи по лицензионным участкам исключительно динамичная: если десятилетняя картина достаточно спокойная, то карта за четыре последних года десятилетия нулевых годов уже имеет абсолютно другой, и более тревожный «светофор»: когда число участков с падающей добычей становится больше, чем с растущей. Можно утверждать, что на излете нулевых годов произошел рубежный перелом от стадии роста к стадии спада окружной добычи. И это событие, которое нам умозрительно известно на макроуровне всего округа, и эмоционально нейтрально на региональном уровне, приобретает совершенно другой драматизм, когда атомизируется, раскладывается по конкретным

лицензионным участкам – увязывается с конкретным тоном социально-экономического развития ближайшего населенного пункта – монопрофильного города или поселка, определяет жизненные планы и судьбы тысяч домохозяйств Югры.

Самое яркое свидетельство новой (обычно ресурсной) экономической активности в пространствах Югры дает подушевой уровень внебюджетных инвестиций. Все городские округа Югры четко дифференцируются на имеющие высокий тонус развития – это там, где непосредственно в границах городских округов идет нефтепромысловая и другая высокорентабельная инвестиционная активность – территории относительной молодости нефтепромышленного освоения, крупные административные и транспортные центры Когалым, Мегион, Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Нягань; и города слабой новой экономической активности в форме инвестиционной деятельности – Урай, Покачи, Лангепас, Пыть-Ях. Это обычно староосвоенные нефтяным промыслом территории, территории прошлой волны фронтального освоения. Среднее положение между ними занимают Радужный, Нефтеюганск, Югорск – активность инвесторов в этих городских округах средняя по причинам относительной истощенности природных активов и одновременно сохраняющейся слабой диверсификации местной экономики.

Районный разрез показателя подушевых внебюджетных инвестиций четко обособляет в лидерах территории нового освоенческого фронта в виде прежде всего Ханты-Мансийского района (лидер), затем Белоярского района; муниципалитеты накопленных крупных материальных активов начатого еще в 1960-1970-е годы нефтепромышленного освоения, которые теперь нуждаются в регулярной модернизации основных производственных фондов – Нижневартовский, Сургутский, Нефтеюганский районы; зоны относительно средней инвестиционной активности – Березовский и Октябрьский районы, которые волны фронтального нефтегазового освоения «задевали» лишь частично, на короткое время; наконец, аутсайдеры по инвестиционной активности лесопромышленные Советский и Кондинский районы: объем лесных инвестиций здесь настолько не сопоставим с нефтепромысловыми районами, что вплоть до начала нефтепромышленного освоения в этих районах они обречены оставаться аутсайдерами этого рейтинга.

С точки зрения развития сельского хозяйства округ полезно увидеть ареной промысловой деятельности – нефтяной, лесной, рыбной, охотничьей. Суть промысла – в мобильной природе, постоянных передислокациях, перекочевках на новое, более продуктивное, место. В этом смысле он очень близок природе северного фронта и фронтального цикла: постоянное пространственное движение, перемещение производительных сил – основных материальных активов и трудовых ресурсов (вахтовиков). Но на фоне тотально распространенной по площади промысловой деятельности есть компактные ареалы активного развития фермерских и личных подсобных хозяйств населения, оседлых по своей природе. В этом их радикальное отличие от промыслов – они своей стационарностью отрицают фронт.

На картах сельскохозяйственной деятельности (удельного производства мяса и молока) можно увидеть даже не сами ареалы, а направления, общую ориентировку, а где же размещаются очаги стационарной сельскохозяйственной активности в округе. Это прежде всего, пригородное хозяйство Ханты-

Мансийского района, обращенное на рынок Ханты-Мансийска и мясное животноводство фермерских хозяйств Нижневартовского района, обращенное к рынкам цепочки крупных приобских нефтегородов Нижневартовск-Мегион-Покачи-Лангепас-Сургут. Абсолютно закономерно, что практически все крупные города Югры, как правило, опираются на пригородные животноводческие и птицеводческие хозяйства вокруг них: неудивительно, что в городах обычно развитие животноводческих фермерских хозяйств несопоставимо меньше, чем в окрестных муниципальных районах. С одним исключением: Югорск как раз тот самый город, в котором развитие «пригородного» сельского хозяйства животноводческого направления существенно мощнее в удельном выражении, чем в окрестном Советском районе. Можно условно сказать, что Советский район, в котором активное развитие получили лесной промысел, «фронтирнее» Югорска.

Югорск, действительно, выделяется на фоне других городов округа – это единственный крупный не-нефтегород, а город (городской округ) – центр газотранспортной специализации. Город газотранспортного хозяйства, в отличие от нефтегородов сопоставимого и даже большего размера, формирует сильные предпосылки к всесторонней комфортизации городской среды, городской жизни, немислимой без такого атрибута, как свежее мясо и мясо птицы.

Производство молока, также как и мяса, в округе опирается в основном на крестьянско-фермерские хозяйства, которую производят основную местную молочную продукцию. Самые мощные показатели здесь у Ханты-Мансийского «пригородного» района, который в силу своей дорожной необустроенности в максимальной степени опирается на собственные силы. Здесь удачное сочетание: не тотально затронутых нефтепромыслами приречных кормовых угодий; незначительной транспортной обустроенности – большие объемы молока извне трудно и дорого завозить; наконец, крупного рынка окружной столицы (до которого, правда, нужно еще добраться ввиду того, что многие села и поселений района не имеют круглогодичной дорожной сети с Ханты-Мансийском).

Районы с развитой транспортной сетью и города, находящиеся в сети железной и автомобильной дорог, являются районами исключительно слабого развития молочного производства – дешевле завозить извне (привезенная молочная продукция успешно конкурирует по издержкам с местной и потому ее «глушит»). С другой стороны, наиболее бездорожные Березовский, Кондинский, Ханты-Мансийский район, многие части которых откровенно периферийные и транспортно недоступные, вынужденно являются районами активного молочного производства. Югорск опять по уровню своей активности в молочном животноводстве превосходит окрестный Советский район, который ни в какой степени не выполняет функций пригородного сельского хозяйства.

Что касается пространственной структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур, то здесь опять можно заметить антагонизм фронтирности и сельскохозяйственности: территории реального нефтегазового фронта имеют очень слабые позиции по размерам посевных площадей. С другой стороны, старожильческие и относительно (оседло!) обустроенные Кондинский, Нефтеюганский, Ханты-Мансийский районы имеют лидирующие позиции по размерам посевных площадей в округе. В других районах эти значения минимальны.

Самый южный Кондинский район является абсолютным чемпионом в округе по размерам посевных площадей. Этот факт, конечно, закрепляет его

сельскохозяйственную специализацию внутри округа. В Кондинском, Ханты-Мансийском и Белоярском районах в структуре посевных площадей доминируют кормовые культуры. В остальных районах округа – производство картофеля. Доля посевных площадей на овощи открытого грунта незначительно по всем районам.

С точки зрения типа демографической динамики все пространство округа четко дифференцируется на четыре типа. Самый «энергичный» тип положительного механического и естественного прироста, когда механический прирост существенно, кратно, превышает естественный, характер для окружной столицы Ханты-Мансийска. Демографически город развивается исключительно быстро, ежегодно «омолаживаясь» за счет миграции по среднему возрасту населения на несколько месяцев. Видимо, это самый быстрорастущий в последнее десятилетие город России. Для окружающего город Ханты-Мансийского района характерен тот же тип динамики – с превышением механического прироста над естественным, но, конечно, при существенно меньших объемах оборота.

Другой тип также очень демографически благоприятной ситуации характерен для лесопромышленного Советского района, расположенного внутри него Югорска, самых крупных приобских нефтегородов-центров Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска, а также Лангепаса. Здесь в последнее десятилетие при общих положительных значениях естественный прирост превышает миграционный прирост. Ослабление миграционного прироста довольно четко фиксирует ослабление динамики экономического развития в целом (что хорошо увязывается со старением локальных активов).

Третий тип демографической динамики характерен для пространственно обширной территории округа, составляющей половину его площади – это Нижневартовский, Сургутский, Белоярский районы, в которых общий рост численности населения обеспечивается за счет естественного прироста, который компенсирует незначительное отрицательное сальдо миграции. По этому же типу развиваются средние по размеру нефтегорода Когалым, Мегион и Покачи. Это «предкризисный» тип динамики, несколько неожиданный для довольно благополучного в экономическом отношении Когалыма.

Последний тип демографической динамики характерен для территорий депопуляции населения, в которых небольшой естественный прирост не может компенсировать очень сильный миграционный отток – за пределы округа и в другие муниципальные образования. Это районы самой разной экономической специализации – агропромышленный Березовский, лесопромышленный и агропромышленный Октябрьский, агропромышленный и лесопромышленный Кондинский и нефтепромышленный Нефтеюганский районы. По этому же типу демографической динамики в последние десять лет развиваются городские округа Нягань, Урай и Радужный. Общим для них всех являются относительно истощенные природные активы, активный малый бизнес, который принимает на себя новую энергетику экономического развития, но не может пока переломить общую тенденцию к постепенному истощению и снижению активности структурообразующих нефтегазовых предприятий.

Минимальные показатели доли жителей с высшим образованием имеют Ханты-Мансийский и Кондинский районы. В Ханты-Мансийском районе самый высокий разрыв между долей работников с высшим образованием в самом районе и окружной столице Ханты-Мансийске, расположенной на территории района. Эти контрасты делают рекомендации по укреплению связи города и района, по

усилению перетоков знания от окружного центра внутрь, в подшефный район, просто безальтернативными. Кондинский район имеет слабые позиции по уровню образования своих жителей в силу опоры местной экономики на самые первичные этажи добычи природных ресурсов – лесозаготовки, растениеводство и животноводство как сферы аграрной специализации. Лишь в последнее десятилетие здесь началась работа по формированию плитного производства (Морткинский МДФ-завод), по комплексной переработке дикоросов (Междуреченский завод переработки дикоросов). Эти усилия имеют абсолютно пионерный характер и никак не опираются на длительные традиции – их в районе попросту нет.

С другой стороны, Белоярский и Нефтеюганский районы имеют самые высокие доли людей с высшим образованием среди муниципальных районов Югры. Как правило, в круге лиц высшей квалификации преобладают специалисты инженерных профессий, что абсолютно объяснимо газотранспортным и нефтепромышленным освоением этих районов: в Нефтеюганске пионерный этап этого освоения был еще в 1960-1970-е годы, в Белоярском районе он наступает теперь – район становится территорией нового окружного фронта.

Тройка городов, в которых жители имеют самое большое среднее число лет обучения (школа, вуз, поствузовское обучение), - это Ханты-Мансийск (административная столица), Сургут (деловая столица), Когалым (самый успешный монопрофильный город Югры). «Центральность» каждого из трех городов в своей нише в округе обеспечивается/сочетается усиленным против других муниципальных образований числом лет обучения местных трудовых ресурсов: для талантов высокой квалификации высоко статусные (центральные) города оказываются более привлекательными.

Среди муниципальных районов Югры худшие показатели по среднему числу лет обучения местных кадров имеет Кондинский район. Поэтому любая идея о создании здесь агро- или индустриального парка, о формировании нового объекта инновационной или предпринимательской инфраструктуры здесь критично требует комплексирования, стыка с обучением кадров, привлечением сюда, на этот новый объект квалифицированных кадров мигрантов извне. Это справедливо и для округа в целом, но нигде на его пространствах не звучит так императивно, как в Кондинском районе.

С другой стороны, лучшие позиции по числу лет обучения среди муниципальных районов Югры у Белоярского района, который традиционно ранее специализировался на газотранспортных функциях (выполнял роль транзитной территории для ниток газотранспортных магистралей с Ямала к западным границам России), теперь стал территорией нового нефтяного фронта округа. Рассматривая Белоярский район совместно с Югорском, который также имеет лучше среди моноспециализированных городов Югры позиции по числу лет обучения своих трудовых ресурсов, можно выдвинуть гипотезу, что газотранспортные города, при прочих равных условиях, востребуют более высокий уровень квалификации персонала, чем нефтедобычные города – хотя общее число занятых в отрасли специализации в первых меньше, чем во вторых.

Показатель числа занятых в малом и среднем бизнесе муниципалитета можно считать обратным к показателю «корпоративизации»: районы отчетливой корпоративной структуры и одновременно территории недавнего или нового нефтепромышленного фронта – Белоярский, Ханты-Мансийский, Сургутский,

как правило, являются аутсайдерами по этому рейтингу. С другой стороны, районы с истощенными природными активами и немонопольной корпоративной структурой, - Нижневартовский, Нефтеюганский – являются чемпионами по уровню развития предпринимательства. Березовский, Октябрьский, Советский, Кондинский районы имеют средние позиции в развитии предпринимательства.

По городским округам ситуация не менее полярная. Лучшие позиции по предпринимательству у городов с очень дисперсной, рассредоточенной организационной структурой главных городских предприятий (их много и они нередко не только в нефтегазодобыче и нефтесервисе): это Нягань и Нижневартовск. С другой стороны, Покачи и Лангепас выступают как абсолютные аутсайдеры этого рейтинга. Причины в «зашибленности» их сектора услуг агломерационным эффектом соседних более крупных городов, между которыми они расположены и монопольным доминированием корпоративных структур в базовом нефтедобычном секторе их экономики.

Сравнение развития предпринимательства по всей цепочке приобских нефтегородов выявляет одну интересную особенность: у городов на краях этой цепочки, в «медвежьих углах» автомобильных трасс (например, Радужный, Пыть-Ях) ввиду феномена вынужденного предпринимательства ситуация лучше, чем у «транзитных» нефтегородов, защемленных с двух сторон более крупными городами-соседями. Их предпринимателям реально не хватает «воздуха» в виде местного платежеспособного спроса, который по законам агломерационного эффекта «утекает» к крупным городам-центрам.

Позиции Югорска и Урая как одиноких «звезд» внутри своих среднеразвитых по предпринимательству районов (соответственно Советского и Кондинского) оказываются сопоставимыми, но у Советского района лучше, чем у Кондинского. Поэтому Урай для Кондинского района способен выполнить функцию драйвера предпринимательства, которая от Югорска не требуется.

Закономерно, что максимальная «плотность» малых и средних предприятий характерна для городских округов – показатели Нягани, Ханты-Мансийска и Нижневартовска являются абсолютно недостижимыми для муниципальных районов Югры. В принципе организационная структура экономики всех муниципальных районов Югры значительно более «корпоративная», чем городская. В районах хозяйственная жизнь «реже», количество фирм малого бизнеса ниже как за счет большей роли крупных структур, так за счет общего меньшего уровня хозяйственной активности и числа организаций по сравнению с городами.

После тройки лидеров следующие лучшие позиции по «оснащенности» малым бизнесом имеют города Сургут и потом Нефтеюганск (за ними следуют Мегион и Югорск).

Среди муниципальных образований лучшие позиции по этому показателю имеет Советский район, а самые слабые – центр округа в лице Октябрьского, Ханты-Мансийского и Сургутского районов.

Центр молодости округа находится в Сургутском районе, в городах Когалым и Покачи, потом следует Нефтеюганский район. При движении к западу, в сторону Советского и Кондинского районов, средний возраст населения района растет, как и доля пенсионеров. С другой стороны, края округа на востоке и северо-западе в лице Нижневартовского, Березовского и Белоярского районов имеют более низкие показатели пенсионеров в силу активного миграционного оборота населения.

Для округа характерен гигантский, почти двухкратный разброс значений средней жилищной обеспеченности между муниципальными образованиями. Максимальная обеспеченность характерна для районов северо-запада – Березовского, Советского и Октябрьского (около 30 м²). Немного отстает от них Кондинский район. Это обусловлено сельским образом жизни, с ценностями индивидуального жилья и коттеджной застройки. На другом полюсе находится Нефтеюганский район, в котором минимальные показатели (менее 15 м²). Сургутский и Нижневартовский районы занимают средние позиции – жилищная обеспеченность здесь меньше, чем в Белоярском и Ханты-Мансийском районах.

С точки зрения базового комфорта оседлой жизни виден конфликт между ценностями и укладом северо-запада с его лучшими позициями по обеспеченности жильем, и востока округа, в котором за десятилетия нефтепромышленного освоения ввиду советских традиций вечно усеченной социалки так и не удалось обеспечить приемлемые для Севера стандарты жизнеобеспеченности. Здесь исключительно низкие эти показатели.

Поэтому логично, что чемпионами в округе по строительству индивидуального жилья в 2014 году являются Нягань, Югорск и Советский район. Можно выдвинуть гипотезу, что здесь создана комфортная среда, которая обеспечивает социальное укоренение всех, желающих остаться делать бизнес здесь или работать по найму. На другом полюсе находится абсолютно не расположенный вести индивидуальное строительство жилья Сургутский район и приобские нефтегорода. У них абсолютно у всех показатели индивидуального жилого строительства минимальные в округе. Вахтование, нефтепромысловая специализация не способствуют развитию личного строительства ни в городах, ни в сельской (нефтепромысловой) местности.

Логично и оправданно ожидать, что в городах Югры как северного региона удельный уровень потребления электроэнергии (на одного проживающего) будет выше, чем в окружающих районах – просто в силу того, что горожане используют намного больше бытовой техники, чем сельские и их душевой уровень потребления закономерно также выше. Однако пространственная структура энергопотребления выявляет интересные парадоксы.

В округе есть четыре энергозатратных района, в которых уровень потребления энергии находится на планке крупных нефтегородов Югры. Это Октябрьский, Ханты-Мансийский, Советский и Кондинский районы. Как объяснить этот феномен? Видимо, более низкими тарифами, которые традиционно действуют в сельской местности, даже в многоквартирных домах, что приводит к завышению значений потребления против средних по округу. Любопытно, что в примыкающих к ним городах уровни энергопотребления обычно ниже: возможно, здесь уже адаптировались к новым коммунальным тарифам и нашли пути для более энергоэффективного проживания в многоквартирных домах.

Более нефтепромысловые муниципальные районы округа – территории прошлого фронта - со специфичной сетью расселения из моногородов и поселков городского типа, нередко многоквартирной застройки, имеют относительно низкие показатели душевого энергопотребления. С другой стороны, агропромысловые (с лесным, рыбным промыслом) районы с сетью «лесных», «рыбных» поселков и сельской местности, в которых более принята индивидуальная застройка деревянными домами, где многоквартирные дома

относительно меньше распространены и где только начинается пионерное нефтепромышленное освоение, наблюдается явно избыточное удельное энергопотребление – в том числе в силу более низких энерготарифов для сельской местности.

Разлом между городской Югрой и «сельскими» муниципальными районами округа нефте-лесопромышленного хозяйственного освоения отчетливо виден в пространственной дифференциации объемов собранных платежей за жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ). Самые высокие объемы платежей за ЖКУ закономерно в самых крупных городах округа. С другой стороны, все муниципальные районы со значительным индивидуальным сектором в структуре жилого фонда имеют незначительные объемы платежей.

Другой разлом – между бедными и богатыми муниципальными образованиями округа - обнаруживается в пространственной дифференциации показателя уровня оплаты жилищно-коммунальных платежей. Здесь на одном полюсе закономерно находятся «промысловые» территории прошлого и настоящего фронтального освоения Нижневартовский, Нефтеюганский, Белоярский, Октябрьский, Советский районы, в которых подушевые доходы домохозяйств на уровне средних по округу и выше; на другом полюсе – относительно бедные не-нефтегазовые Березовский и Кондинский районы, в которых масштабное освоение месторождений углеводородов может начаться только в долгосрочной перспективе (тогда они станут новым фронтиром округа). Среднее положение между полюсами занимает Ханты-Мансийский район – пионерное нефтепромышленное освоение уже началось, но уровень доходов местного населения еще пока отстает от средних по округу значений. Аномалией является положение Сургутского района: здесь есть все предпосылки и по уровню доходов домохозяйств, и по мощному нефтепромышленному освоению, которое обеспечивает этот доход, к существенно большему, на 8-10% уровню оплаты услуг ЖКХ. Пока этот показатель здесь минимальный среди муниципальных районов округа - как у существенно более бедных Березовского и Кондинского районов.

Максимальное число детей в образовательных учреждениях в Ханты-Мансийске, Пять-Яхе, Нягани, Когалыме. Это является четким указанием активной («внезапной», залповой) миграции в эти города родителей с детьми школьного возраста. Потому что только миграционная волна создает условия для скупенности в школах. В условиях, когда число школьников регулируется только естественными приростом, обвального увеличения количество школьников в классах и школах не происходит. Это только активный миграционный приток создает разом такие проблемы. И в нескольких городах Югры с ними сталкиваются уже многие годы – прежде всего в самом быстрорастущем городе России – Ханты-Мансийске.

Анализ динамики основных показателей социально-экономического развития муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов) Югры в 2013 – 2015 годах показал крайне высокую внутрирегиональную (межмуниципальную) дифференциацию развития автономного округа (таблица 7).

Основные показатели динамики социально-экономического развития муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2013 – 2015 гг. (к уровню 2013г.), %

	Индекс объема отгрузки товаров собственного производства (работ, услуг) по виду деятельности «добыча полезных ископаемых»	Индекс объема отгрузки товаров собственного производства (работ, услуг) по виду деятельности «обрабатывающие производства»	Индекс объема отгрузки товаров собственного производства (работ, услуг) по виду деятельности «производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	Индекс объема выполненных работ, услуг по виду деятельности «Строительство»	Индекс ввода общей площади жилых домов	Индекс реальной начисленной среднемесячной заработной платы	Индекс физического объема оборота розничной торговли	Индекс физического объема платных услуг населению
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – всего	96,0	98,7	96,2	79,2	82,0	92,1	91,7	92,8
<i>Городские округа</i>								
Ханты-Мансийск	36,4	24,1	99,1	51,8	116,6	89,6	112,5	72,4
Когалым	81,0	148,8	107,9	47,0	190,8	89,4	62,0	97,3
Лангепас	94,9	96,7	104,5	185,1	45,4	88,2	145,5	167,2
Мегион	70,8	88,0	106,4	56,2	40,8	95,0	98,8	109,7
Нефтеюганск	116,4	80,1	77,0	104,9	121,3	92,0	150,9	82,7
Нижневартовск	90,1	106,5	96,4	70,1	93,6	89,7	80,8	86,3
Нягань	94,4	114,2	254,1	56,9	144,8	88,4	74,0	134,4
Покачи	87,2	78,7	81,5	252,9	16,9	85,9	107,8	98,1
Пыть-Ях	107,4	87,5	71,6	149,4	196,6	92,3	165,1	118,9
Радужный	79,0	105,8	109,5	28,1	57,6	86,9	108,3	114,1

Сургут	58,5	104,3	82,9	89,0	53,5	91,5	84,4	84,5
Урай	93,4	105,3	149,9	134,1	63,4	90,1	99,5	99,1
Югорск	-	67,1	103,3	91,4	87,0	91,4	188,3	104,1
<i>Муниципальные районы</i>								
Белоярский	181,9	70,7	100,9	38,2	108,4	98,8	89,7	78,2
Березовский	60,2	71,8	88,0	85,6	57,5	90,4	62,6	101,1
Кондинский	121,4	94,5	84,3	179,9	64,4	91,6	72,8	125,7
Нефтеюганский	104,3	106,8	96,4	164,7	111,2	95,8	110,3	100,1
Нижневартовский	94,0	134,6	105,4	49,5	49,6	96,4	190,4	136,0
Октябрьский	93,9	68,5	91,7	28,2	99,0	93,0	62,2	85,5
Советский	90,0	166,3	68,8	43,3	46,5	93,8	119,7	93,1
Сургутский	94,3	109,3	102,6	92,4	82,2	93,3	211,8	97,8
Ханты-Мансийский	104,2	82,1	86,1	48,9	55,6	99,6	77,8	81,1

Главный итог сравнительного анализа социально-экономического развития муниципальных образований Югры состоит в необходимости внедрения зонального подхода к их рейтинговой оценке. В значительной степени отставание некогда передовых нефтедобывающих городов округа связано со старением активов и вполне закономерно – а вот уже различия внутри каждой группы городов (например, внутри группы городов, зависящих от истощающихся активов) уже определяется качеством муниципального управления.

Введение дифференцированного, зонального подхода к рейтинговой оценке развития муниципальных образований в условиях Югры имеет ту же природу, что и введение дифференцированной системы налогообложения для нефтедобывающих компаний: с компаний, работающих с «трудной нефтью» и спрос меньше. Пока все еще сохраняются зависимость социально-экономического развития большинства муниципальных образований округа от стадий фронтального цикла освоения запасов углеводородов (см. раздел 1 данного тома), логично и целесообразно распространить дифференцированный подход (в зависимости от базовых условий развития: место структурообразующих предприятий в стадии фронтального цикла, транспортное положение муниципального образования и его административный статус – включая расположение штаб-квартир крупных компаний).

Современные преимущества, возможности, слабые стороны и угрозы социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, оказывающие прямое влияние на процесс пространственного развития региона, можно представить в виде таблицы SWOT-анализа (табл. 8). Его особенность состоит в том, что сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, стоящие перед округом в перспективе ближайших 10-15 лет рассматриваются в контексте выделенных зон освоённости (1 – зона нового фронта, 2 – зоны относительно староосвоенных территорий, 3 – окружной резерв на окраинах округа).

Таблица 8

SWOT-анализ основных характеристик Югры, определяющих тренды пространственного социально-экономического развития региона²¹

Сильные стороны	Слабые стороны
Высокий транзитный субширотный и субмеридиональный потенциал территории (округ в целом)	Невыгодное, отдаленное от всех основных рынков страны периферийное экономико-географическое положение (округ в целом)
Богатый природно-ресурсный потенциал (зона 1 и 3)	Монопрофильность экономической системы – ярко выраженная добывающая специализация региона (округ в целом)
«Молодая» половозрастная структура населения (зона 2 и 1)	Изолированные поселения, сезонно связанные с основной полосой расселения (зона 1 и зона 3)
Наличие высокого платежеспособного спроса (зона 2 и зона 1)	Сложные природно-климатические
Регион-лидер РФ по добыче нефти (зона 2)	
Благоприятная ситуация на рынке труда – высокое качество трудовых	

²¹ Источник: составлено авторами.

<p>ресурсов (зона 2) Высокая степень развития объектов транспортной, телекоммуникационной, инженерной и социальной инфраструктуры (зона 2) Полифункциональность системы расселения – наличие нескольких крупных центров (зона 2)</p>	<p>условия – значительные издержки при ведении хозяйственной деятельности (зона 2 и 1) Неблагоприятная экологическая ситуация (зона 2) Слабое развитие перерабатывающих производств (зона 2) Высокий уровень износа основных фондов (зона 2)</p>
<p>Возможности</p> <p>Укрепление внутрорегиональных и межрегиональных экономических и социальных связей (округ в целом) Стратегическая необходимость осуществления диверсификации экономической системы региона (зона 2) Повышение конкурентоспособности региональной экономической системы за счет инновационного развития, развертывания сетей кластеров, технологий бережливого производства, наличия развитого добывающего сектора как базы для внедрения новых технологий и инноваций (зона 2 и 1) Применение механизмов государственно-частного, а также муниципально-частного партнерства, сотрудничество власти и бизнеса в целях решения важных социальных задач (зона 2 и 1) Стимулирование процессов, направленных на повышения человеческого капитала и человеческого потенциала (зона 2) Создание условия для развития малого бизнеса, развитие программ самозанятости (зона 2) Проведение мероприятий по улучшению экологической ситуации в регионе (зона 2)</p>	<p>Угрозы</p> <p>Зависимость всех систем жизнеобеспечения региона от состояния нефтедобывающего сектора и поведения крупных нефтегазовых компаний (округ в целом) Риск дальнейшего повышения налоговых сборов и их централизации – вывод налогов из региона (округ в целом) Риск понижения инвестиционной привлекательности автономного округа – невозможность модернизации и диверсификации экономики (округ в целом) Старение населения и кадров – повышение экономической нагрузки на окружной бюджет и трудоспособное население (округ в целом) Зависимость экономики региона от внешнеэкономической ситуации и мировых цен на нефть (зона 2 и 1) Изменение структуры запасов нефти в сторону трудноизвлекаемых запасов (зона 2 и 1) Истощение и замедление прироста ресурсной базы за счет снижения объемов геологоразведочных работ (зона 2 и 1) Угроза дальнейшего ухудшения экологической ситуации (зона 2 и 1) Значительная выработанность важнейших месторождений-гигантов (зона 2)</p>

Реализация направлений пространственного развития территорий Югры должна быть адаптирована к реалиям существования на пространствах округа трех,

принципиально отличных по своему тону и экономической зрелости, освоенческих зон.

Для второй, староосвоенной зоны акцент должен быть сделан на модернизацию уже имеющей технологической и транспортной инфраструктуры, придание им более инновационного и менее затратного характера, диверсификацию структуры местной экономики. Большое внимание следует уделить развитию и повышению качества городской среды, городскую культуру, которая уже отчетливо формируется в сети приобских нефтегородов второй зоны. Для этой территории вполне посильно ставить амбициозные задачи импортозамещения. Решение этих вопросов здесь лежит в плоскости создания новых отраслей и производств, проведении мероприятий по диверсификации региональной экономической системы, а также улучшении условий функционирования базового сектора экономики региона. Актуальными должны стать следующие направления деятельности:

- снижение доли используемого импортного оборудования предприятиями нефтегазодобычи с настоящих 60% до планируемых к 2020 году – 40-43%²². Данное направление деятельности представляет собой важный стимулирующий фактор развития отечественного тяжелого машиностроения, в том числе и на территории округа. Более того вторая зона округа должна стать центром развития нефтегазосервисной отрасли России – индустриально-технологической базой для освоения новых месторождений и территорий. Речь идет о применении инновационных методов нефтеотдачи, а также интенсификации процессов нефтедобычи всеми хозяйствующими акторами (субъектами) отрасли.

- развитие сектора нефтегазопереработки и нефтегазохимии. Предполагается расширение производственной деятельности отрасли в целях удовлетворения внутренних потребностей населения и предприятий региона в основных видах моторного топлива. Планируется, что нефтеперерабатывающий сектор второй зоны будет формироваться сетью нефтеперерабатывающих предприятий, обеспечивающих потребности прилегающих территорий – работающих на конкретного потребителя и имеющих постоянный спрос.

- развитие новых центров компетенции в высокотехнологичных сферах должно сопровождаться качественным изменением институциональной, инновационной и предпринимательской среды автономного округа. С одной стороны, это проектирование и внедрение новых инновационных центров, таких как центры кластерного развития, агентства стратегических инициатив, центры инфраструктурного развития и прочие, с другой стороны – улучшение социальных услуг, в первую очередь, в сфере высшего и профессионального образования.

- сектор услуг как новая важнейшая составляющая социально-экономической системы округа. Важнейшими направлениями специализации сферы услуг второй зоны станут интеллектуальные производственные услуги, медицинские услуги, развитие финансово-банковской деятельности сфера информационно-коммуникационных технологий и др.

Точечные объекты по внедрению инноваций в целях пространственного развития будут поддерживаться и создаваться во всех крупных городах второй зоны: Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Когалыме.

²² Согласно планам Министерства энергетики РФ и концепции «Бережливый регион».

Абсолютно другие экономические задачи стоят для пространств первой зоны освоения нового фронта. Здесь важнейшее направление – создание минимальной инфраструктурной обеспеченности (ИКТ-проникновение, экономное транспортное обустройство новыми амфибийными транспортными средствами, мобильные схемы децентрализованного энергоснабжения, формирование компактной индустрии высоко мобильных и малозатратных в производстве и транспортировке видов строительных материалов и др.). Все это необходимо для развертывания здесь в экономном виде ядер нового фронтального освоения.

Как правило, именно в этой зоне еще сохранены значительные массивы лесных ресурсов, которые в ограниченной степени будут вовлекаться в хозяйственный оборот для глубокой переработке при коротком радиусе транспортировки сырья.

Для третьей зоны окружного резерва будет характерна преимущественная ориентация на самообеспечение (продовольственное, энергетическое, тепловое) за счет местных источников рыбных, аграрных ресурсов, тепла и энергии, при минимальных объемах вывоза произведенной здесь товарной продукции. Традиционные промыслы коренных народов, туризм, сувенирное производство – вот то, что естественно будет развиваться в этих пространствах.

Риски социально-экономического развития округа естественным образом, как и основные факторы развития, дифференцированы по территории.

Для старых баз освоения природных ресурсов округа риски в большей степени внутренние – эти города могут пострадать от недостаточной активности городского сообщества и муниципального руководства, могут терять людей из-за недостатка благоустройства, локального патриотизма и сплочения местного сообщества. Опыт показывает, что нередко даже в случае падения экономической базы развития города население не покидает его, «прикипев» к месту, к тесным социальным связям, комфортным условиям проживания – и сильнее всего – к результатам труда своих рук: не покидают города, которые «строили своими руками». И напротив, относительно благополучные с точки зрения доходов города теряют население, если жители не видят перспективы личностного роста, реализации своего творческого потенциала. В этой связи важный фактор профилактики обезлюдения «старых баз» – это максимальное поощрение инициативы, сотворчества городского сообщества, бизнеса и власти, максимальное участие горожан и городских сообществ в проектировании сценария развития города, городской среды и городских событий. Здесь необходимы активное внедрение технологий социального проектирования, развития креативных индустрий, институтов краудфандинга и крадсорсинга. Огромную роль играет культурное развитие – от развития креативных индустрий до местных музеев, которые нигде не играют такой мощной роли «концентраторов» местной идентичности и локального патриотизма, как на территориях недавнего освоения.

Для новых баз очевиден риск превращения в старые по мере истощения месторождений. Здесь целесообразны не столько социальные (как в старых базах), а технологические инновации – в частности и особенно те, которые позволили бы в будущем безболезненно меняться размеру города, размеру селитебной территории – в том числе инновационные методы жилищного строительства (трансформируемые дома и полифункциональные общественные пространства); применение временных сооружений современного уровня комфорта.

Для фронтальных территорий освоения новых месторождений максимален риск конфликтов в сфере землепользования. Здесь Югра должна стать первопроходцем – в случае реализации этого шанса Югра стала бы обладателем эффективного бренда территории, дружественной коренным народам, «зеленой нефтедобычи» -- и для этого у Югры есть мощный задел в виде высоких успехов местных компаний (в первую очередь, Сургутнефтегаз и ЛУКОЙЛ – чего нельзя, однако, сказать о «Роснефти») в деле обеспечения устойчивого развития, предотвращения нефтяных разливов, утилизации попутного нефтяного газа и т.д. К сожалению, в последние годы здесь наметилась тревожная тенденция – в частности, снижение экологического рейтинга ОАО «Сургутнефтегаз».

Неоднородность территорий округа детерминирует, в числе прочего, разные условия для генерации и усвоения инноваций. В первую очередь, инновации – вынужденная необходимость для старых баз освоения, для деятельности компаний, отрабатывающих месторождения стадии истощения. Не случайно, например, именно Покачи, а не более успешный Когалым стал базой отработки энергоэффективных технологий Лукойла (см. раздел 1).

Аналогично, закономерно пилотной площадкой апробации технологий бережливого производства стал Нижневартовск – город, выросший на легендарных «фонтанах Самотлора» и сегодня особенно остро ощущающий изменение условий хозяйствования на стадии истощения активов, необходимость рачительного хозяйствования (не случайно Нижневартовск, наряду с Няганью – окружной лидер в развитии малого предпринимательства). Очевидно, что другие города на истощенных месторождениях – Нягань, Покачи, Лангепас, Мегион – также должны стать главными площадками внедрения технологий «Бережливого региона».

Другая потенциальная зона инноваций – это парадоксальным образом, наиболее удаленные территории округа. Здесь на стыке территорий традиционного землепользования и разработки природных ресурсов жизненно востребованы, в первую очередь, институциональные инновации, технологии работы гражданского общества по улаживанию конфликтов в сфере землепользования, по предотвращению экологических рисков. Гражданское общество, согласно работам ведущих зарубежных и отечественных экономистов (Аузан и др.) выполняет функции гаранта сохранения благосостояния общества в целом в тех случаях, когда ее не может выполнить ни бизнес, ни государство. В частности, именно институты гражданского общества призваны не допускать получение выгод одних экономических акторов за счет других (что привело бы к снижению суммарного благосостояния общества) – что делает их незаменимыми в процессе урегулирования конфликтов. Установка на усиление гражданского общества на федеральном уровне (Послание Президента РФ 2015 г.) дает Югре мощный инструмент развития регуляционных механизмов развития, в первую очередь, ее удаленных, фронтальных территорий.

Кроме институциональных инноваций, удаленные территории – важный источник инновационных технологий и ноу-хау освоения северных (и в перспективе – арктических) территорий: речь идет о новых системах обеспечения жизнедеятельности, о новых конструкциях мобильных домов, транспортных средств, одежды, систем питания и жизнедеятельности для условий Севера и Арктики, основанных на опыте коренных народов, на вынужденной инновационности хозяйствования в условиях северных ограничений – транспортной изоляции и холодной дискомфортности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать цель и задачи пространственного развития автономного округа.

Цель пространственного развития автономного округа состоит в максимальном использовании потенциала каждой зоны освоения в интересах устойчивого развития всего региона. Эта цель определяет задачи для пространственного развития каждой зоны.

Для первой зоны главная задача – это умное освоение уникальных месторождений нового югорского фронта для генерирования новых бюджетных доходов и высоко оплачиваемых рабочих мест для всего населения округа.

Для второй староосвоенной зоны важнейшая задача пространственного развития состоит в интеграции всех трех пространств округа, выполняя роль интеллектуальных баз-генераторов главных югорских инноваций для нового фронта и окружного резерва.

Для третьей зоны окружного резерва важнейшая задача пространственного развития состоит в сохранении уникальных природных ландшафтов Югры – мест традиционного проживания ненцев, хантов и манси и хранителей природного кода округа, ценностей и традиций истари населяющих его народов.

Формирование городских агломераций – важный фактор интенсификации экономического роста и инновационности экономики. Для управления данными процессами необходимо понимать суть агломерационных процессов.

В основе основ агломерационного эффекта -- географическая близость входящих в агломерацию поселений, тесные контакты между ними. Между тем, для значительной части городов Югры получение классического агломерационного эффекта затруднено (см. табл. 9). Тем не менее, агломерационные процессы, основанные, в первую очередь, на формировании общего для нескольких городов рынка труда, в Югре развиваются активно: согласно данным опроса, *14% югорчан работает в другом городе* – это довольно высокий показатель. При этом три четверти опрошенных считает приемлемым тратить на работу не более получаса – то есть потенциальная готовность к жизни в системе крупных городских агломераций практически отсутствует.

Таблица 9

Потенциал агломерационного эффекта для городов Югры

Территория	Ближайший город с численностью населения более 100 тыс. чел. (в пределах или за пределами Югры)		Ближайший город с численностью населения более 50 тыс. человек (в пределах или за пределами Югры)	
	Ближайший город	Расстояние (по наземным путям сообщения), км	Ближайший город	Расстояние (по наземным путям сообщения), км
г. Когалым	Ноябрьск	121	Ноябрьск	121
г. Лангепас	Нижневартовск	95,5	Мегион	65,1
г. Мегион	Нижневартовск	33,6	Нижневарто	33,6

			вск	
г. Нефтеюганск	Сургут	74	Сургут	74
г. Нижневартовск	Сургут	220	Мегион	33,6
г. Нягань	Нефтеюганск	527	Ханты-Мансийск	292
г. Покачи	Сургут	196	Когалым	121
г. Пыть-Ях	Нефтеюганск	54	Нефтеюганск	54
г. Радужный	Нижневартовск	164	Нижневартовск	164
г. Сургут	Нефтеюганск	74	Нефтеюганск	74
г. Урай	Нефтеюганск	669	Нягань	326
г. Ханты-Мансийск	Нефтеюганск	240	Нефтеюганск	240
г. Югорск	Нефтеюганск	618	Нягань	274
Белоярский район (Белоярский)	Новый Уренгой	715	Нягань	249
Березовский район (Березово)				
Кондинский район (Междуреченский)	Нефтеюганск	785	Ханты-Мансийск	441
Октябрьский район (Октябрьск)	Сургут	611	Нягань	85
Советский район	Нефтеюганск	607	Нягань	285

Расстояния приведены по данным системы Google.maps.

Второй аспект агломерационного эффекта – это перетоки знания. Классический урбанизационный эффект строится на феномене *близости* носителей разных компетенций друг с другом. В этой связи наибольший потенциал урбанизационного эффекта от сочетания вузов разной специализации был бы создан при близком расположении вузов разной специализации – в максимально близких друг к другу городах (число вариантов в условиях Югры исчерпывается следующими комбинациями: Сургут – Нефтеюганск – Пыть-Ях; Нижневартовск – Мегион; Югорск – Советский). Современное распределение вузов по системе «каждому крупному городу по вузу» больше отвечает социальным потребностям (возможность жителям югорских городов получить образование по месту жительства). Однако такая «социальная» система не способствует инновационному развитию, основанному на перетоках знания от одной исследовательской организации к другой, на переопылении компетенциями, идеями, ноу-хау.

В этой связи целесообразна достройка югорской системы образования через филиальную сеть (что уже осуществляется через) – при этом в наибольшей степени потребностям инновационной экономики соответствует проникновение филиалов одного вуза в «зону влияния» другого – например, появление филиалов ЮГУ в Сургуте, Нижневартовске и Нефтеюганске.

В существующих условиях для формирования основанной на инновациях экономики безусловно необходимо стимулировать всемерное взаимодействие

вузов Югры, поощрять реализацию ими совместных исследовательских проектов – иными словами, искусственно создавать «агломерационный эффект» в пространстве всего округа – и только постепенно наращивать потенциал естественного агломерационного эффекта в «кустах» пространственно близко (в пределах 50--100 км) расположенных городов.

6.2.3. Развитие городских агломераций Югры

Идея о формировании в пространстве Ханты-Мансийского автономного округа-Югры нескольких городских агломераций была впервые сформулирована нами в Стратегии социально-экономического развития округа до 2020 года²³. В документе отмечалось, что «к созданию новых агломераций в округе естественно подталкивают реалии новой эпохи, когда возрастающее число людей вынуждено ежедневно коммутировать из города проживания в другой город работы и обратно». Отмечалось, что речь идет не просто о межмуниципальном сотрудничестве, но мощнее - о формировании единых регламентов деятельности малого и среднего бизнеса, единых правилах работы рынков жилья и труда (например, единых правилах отвода земельных участков под индивидуальное жилое строительство), единых нормах деятельности кредитных организаций и внешних инвесторов, едином графике работы учреждений муниципального управления и социальной сферы в пределах городской агломерации. Городская агломерация позволяет уменьшить дублирование и более экономно доставлять услуги домохозяйствам и бизнесам, в результате, например, создания единых (общих) сервисных центров обслуживания сложного медицинского оборудования, специализированных медицинских центров, единых транспортно-логистических центров и др.

Был сделан прогноз о формировании семи городских агломераций - Большой Ханты-Мансийск, Сургут-Нефтеюганск (крупнейший по размеру потребительский рынок округа), Мегион-Нижневартовск, Нягань-Приобье, Югорск-Советский, Урай-Междуреченский, Березово-Игрим и подробно охарактеризованы условия, при которых они смогут стать экономической реальностью для округа (строительство моста, участка автомобильной дороги, укрепление интеграции соседних хозяйствующих субъектов и др.).

Идея о формировании в пространствах округа городских агломераций получила дальнейшее развитие в следующей Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа-Югры 2013 года²⁴. К семи ранее описанным была добавлена новая, восьмая, - Покачи-Когалымская агломерация.

Было отмечено, что дефицит крупных агломераций создает проблемы для пространственного развития региона, автономному округу не хватает сильных центров, организующих территорию и способных ускорять модернизацию периферии. Правительство автономного округа может помочь формированию агломераций, вкладывая ресурсы в инфраструктурные проекты, стимулируя

²³ Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 14 ноября 2008 г. № 491-рп «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа - Югры до 2020 года».

²⁴ Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 22 марта 2013 г. № 101-рп «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года».

интеграцию экономики и рынков труда близлежащих городов. Были сформулированы приоритетные задачи развития всех агломераций, в том числе «усиление межпоселенческих транспортных связей между главными центрами локальных агломераций и отдаленными поселениями в их составе», «расширение межгрупповых взаимодействий».

Возникает естественный вопрос: что новое привносится на новом витке подготовки целеполагающих документов для округа, в 2016 году, в трактовку городских агломераций Югры? Прежде всего – это понимание, что расположенные в разных зонах городские агломерации играют абсолютно разную роль в организации «подшефного» пространства. По сути, речь идет о новой (очень широкой) трактовке агломераций, позволяющей «размазать» их на обширные территории. Подобная трактовка обусловлена северной спецификой региона с его дальними «плечами» рабочих, деловых поездок, доставки грузов и др. По сути, от традиционного для агломерации рынка труда, оконтуренного системой ежедневных поездок на работу, приходится переходить к условным рынкам труда в границах вахтовых поездок и зон деятельности добывающих предприятий.

Что касается более узкой трактовки агломераций, характерной для староосвоенных зон, то она требует регулярного мониторинга локальных рынков труда, введения механизмов корректировки их границ – как это происходит в большинстве стран Европы. Такие агломерации – действенный инструмент инновационного развития. Однако таких – «подлинных» -- агломераций (в которых агломерационный эффект проявляется в полную силу) в Югре в силу означенных причин будет всего две: Нижневартовск—Мегион—Лангепас и Сургут—Нефтеюганск—Пыть-Ях.

В данном документе мы предлагаем два варианта агломераций: в узкой трактовке (тогда их границы должны определяться на основе регулярного мониторинга границ локальных рынков труда по специальной методике, разработанной на основе обширного европейского и американского опыта) – и в широкой трактовке, по сути, как «зоны влияния» городов-баз освоения.

Что касается локальных рынков труда, то главная специфика их в условиях Севера состоит в том, что в его оконтуривании принимается во внимание не только ежедневное, суточное коммутирование «дом-работа», но маршрут еженедельного вахтования из центра-базы на промысловый участок. Поэтому радиус влияния северного агломерационного центра и рынок труда, который он формирует, будет существенно больше, чем радиус города аналогичного размера центральной полосы России, в которых сеть городов-центров существенно плотнее, чем на Севере. Соответственно, короче и их радиус влияния, компактнее местный рынок труда, который они формируют, та тень, которую они отбрасывают на своих соседей по системе расселения.

Поэтому для округа целесообразно и оправданно – вместо поиска аргументов за расширение агломерационных зон, что всегда в той или иной степени субъективно, инициировать первыми в России разработку детальной местной статистики по территориальным местным рынкам труда, с учетом недельного и месячного вахтования работников из городов-центров на промысловые участки. В эти новые местные рынки труда войдут соседние городские округа, части одного или нескольких сельских поселений.

Общие контуры северной кластерной политики России впервые были обозначены в Методических рекомендациях Совета Федерации 2008 года²⁵. Как авторы данного документа, приведем развернутую характеристику северного кластера.

Северный кластер отличается и от своего аналога в умеренной зоне. Во-первых, он имеет существенно больший пространственный охват, нередко выходящий за рамки самого северного региона, в силу того, что может опираться на исследовательские сети освоенных районов страны. Во-вторых, временная близость, сформированная путем периодически проводимых рабочих совещаний, заседаний, семинаров имеет в его деятельности существенно большую роль, чем в кластерах умеренной зоны. Ее значение обусловлено тем, что наладить постоянное личное взаимодействие в условиях северного бездорожья порой просто невозможно. Большую роль в поддержании этой временной близости играют организационные сети (кластер должен быть организационно оформлен; тогда как в староосвоенных регионах процессы кластеризации могут протекать стихийно), а также социальные сети. В-третьих, давление высоких северных издержек всегда подспудно проявляется в деятельности кластера – в том числе в направленности инновационных проработок, всегда одержимых идеей снижения транспортных и энергетических издержек, обусловленных удаленностью и холодной дискомфортностью районов Севера. В-четвертых, это вынужденно комплексный характер многих северных кластеров, соединяющих профессионалов разных отраслей в междисциплинарные команды – как результат недостатка человеческих ресурсов и необходимости обеспечить их локализованную интеграцию на конкретном проекте. Можно назвать это тягой к межкластерной интеграции, т.е. соединению ресурсов разных отраслей и видов деятельности в «синтетических» проектах, а можно понять как комплексный характер самого северного кластера. В-пятых, это ресурсный и около-ресурсный характер многих северных кластеров, нацеленных на глубокую переработку исходного сырья с получением продукции такой добавленной стоимости, что она способна одолеть высокие транспортные издержки классической северной периферийности. Еще одна особенность северных кластеров – нестационарный характер, подвижность в пространстве ввиду мобильности квалифицированных кадров, истощения ресурсной базы, временности формирования проектных кластерных команд.

В высоко корпоративной северной экономике кластерам, которые всегда опираются на малый и средний бизнес, складываться очень трудно. Вот почему они чаще получают развитие не на этапе бурного роста добычи ресурса, а на этапе зрелости северной ресурсной провинции, когда «фонтаны» ушли и возникает тема создания слоя обрабатывающих производств, глубокой переработки сырья и др.

В важнейших целеполагающих документах Ханты-Мансийского автономного округа обозначены восемь перспективных кластеров, которые призваны сформировать точки роста в пространстве округа: научно-инновационный, лесопромышленный, нефтегазоперерабатывающий и

²⁵ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации. Разработаны Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации совместно с Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, Центром экономики Севера и Арктики, Государственным Университетом «Высшая школа экономики» в рамках Программы канадско-российского сотрудничества в области развития Северных территорий (NORDEP). М.: 2008.

нефтегазодобывающий, медицинский; также горнопромышленный, туристско-рекреационный, агропромышленный. ***Потенциал полноценного развития данных кластеров неодинаков.***

Классический кластер (модель которого разработана М. Портером) включает сложную систему взаимодействия участников и местной среды. Один из важнейших факторов конкурентоспособности – это опора на местный придирчивый спрос: только выдержав проверку местным (что очень важно – искушенным в данной области) потребителем отрасль может быть конкурентоспособна в глобальном отношении. Какие потенциальные кластеры находят искушенного потребителя инновационной продукции? Очевидно, что хорошую проверку на практике находят технологии в области нефтегазодобычи и газопереработки (чего нельзя сказать о нефтепереработке); развитие нефтесервиса, инновационных методов повышения нефтеотдачи пластов и др. Придирчиво будут проверены все технологии, связанные с условиями Севера – обеспечивающие мобильность (внедорожные и вседорожные средства передвижения; мобильные жилища), теплосбережение (от теплой одежды до северных типов домостроения); северные варианты исполнения транспортной, строительной, промышленной техники; энергоэффективные технологии. Огромный потенциальный (но пока слабо удовлетворяемый) спрос на экологические технологии, на эффективные и экономные технологии рекультивации нарушенных и загрязненных земель. Потенциально большой спрос на профилактическую и профессиональную медицину, мобильную и телемедицину. А вот часть потенциальных кластеров может рассчитывать только на местный спрос – это агропромышленный (за исключением направления экспорта за пределы округа рыбы, оленины, продукции переработки дикороссов), горнопромышленный и лесопромышленный кластеры. Кластеры, ориентированные на местный спрос заведомо ослаблены в экономическом отношении.

Второе условие, обеспечивающее конкурентоспособность кластера – это конкуренция фирм внутри кластера, сосуществование разного типа фирм (крупные, малые, средние). Хорошие организационные предпосылки для формирования кластера по этому показателю (сочетание малых и средних фирм) у Югры в настоящее время сформировались только в лесопромышленном комплексе – но в нем мал сам масштаб развития производства. В наиболее выгодном положении здесь медицинский кластер, включающий широкий спектр медицинских организаций и организации по подготовке кадров. Нефтегазодобывающая промышленность войдет в стадию полноценной кластеризации только с «допуском» в отрасль малых и средних предприятий.

Третье условие – это наличие взаимосвязанных и поддерживающих отраслей – поставщиков и смежников основного производства – в том числе предприятия и организации, действующие в сфере НИОКР и обеспечивающие генерацию нового знания, ноу-хау, инновационных технологий для производства основной продукции кластера.

Кластер не может развиваться на импортной базе (хотя, как уже говорилось, в условиях Севера кластеры могут опираться на тесные связи – в первую очередь, в научной сфере – с удаленными научными центрами); опыт развития успешных российских кластеров показывает, что включение в кластер внешних научных центров оказывается эффективным (хотя и выходящим за рамки классической кластерной теории). Так, например, научные и производственные предприятия

Бийского биофармацевтического кластера (Алтайский край) успешно сотрудничают с научными учреждениями Томска и других сибирских городов. В Югре уже реализовано дистанционное сотрудничество с ведущими научными центрами в сфере медицины (регулярные консультации с ведущими специалистами в сфере телемедицины); в нефтегазодобывающей промышленности (важные научно-исследовательские центры, работающие на округ, расположены в Тюмени). Очевидно необходимо тесное сотрудничество – вплоть до включения в процессы кластеризации – внешнего научного центра (Екатеринбург – Институт леса) в случае лесопромышленного кластера. Другие кластеры требуют специфического местного знания (например, северное сельское хозяйство, этнический туризм), поэтому здесь необходимо выстраивание мощных «горизонтальных» сетей взаимодействия с аналогичными предприятиями и организациями в других регионах страны и зарубежья.

Наконец, четвертое условие – это наличие ресурсов (сырьевых, человеческих, энергетических и др.). Наиболее острое ограничение для развития всех абсолютно кластеров в Югре – это человеческие ресурсы: округ испытывает нужду в квалифицированных кадрах, способных обеспечить научно-инновационную составляющую развития кластера. Даже создание в округе трех университетов не решило проблемы. В первую очередь, проблема в утечке специалистов: по данным Мониторинга трудоустройства выпускников Министерства образования и науки Российской Федерации, соотношение уехавших в другие регионы выпускников югорских вузов к оставшимся в Югре в 2015 году составило 1:5 (на 2891 оставшихся пришлось 538 уехавших)²⁶. Основная проблема очевидна: это необходимость «смычки» подготовки специалистов и местного рынка труда.

Заявленные в целеполагающих документах округа кластеры обладают совершенно различным потенциалом роста и развития по названным параметрам.

Приоритетными кластерами в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в сложившихся условиях являются:

1) *строительный кластер*, включающий производство стройматериалов на базе продукции лесопереработки и горнопромышленного комплекса, сочетание деревянного и других типов домостроения, развитие технологий энергоэффективности и энергосбережения в ЖКХ и домостроении, технологии «умного дома», архитектурные и дизайнерские услуги, дорожное строительство. Наиболее слабое место этого кластера – подготовка соответствующих специалистов, адаптация передовых технологий, маркетинговая политика;

2) *кластер «Северные технологии и системы жизнеобеспечения»*, включающий разработку техники и предметов обеспечения жизнедеятельности в северном исполнении (вседорожный транспорт, мобильные жилища, одежда для сложных климатических условий), технологий обеспечения жизнедеятельности в условиях севера технологии рационального природопользования в условиях Севера и Арктики, экологического мониторинга, экологической промышленности. Как неотъемлемую часть кластер включает также северный агропромышленный комплекс (в том числе основанные на продукции рыболовства, переработке дикороссов), научные исследования коренных малочисленных народов Севера, дизайнерские исследования, этнографический и экстремальный туризм. Таким

²⁶ <http://graduate.edu.ru/passport#/?items=71100&slice=6>

образом, кластер «Северные технологии и системы жизнеобеспечения» призван интегрировать наиболее креативные направления развития окружной экономики.

Развитие данного кластера актуально в масштабе России в целом – однако для его развития существует много препятствий. В первую очередь, это квалифицированные кадры, создание центра/центров трансфера технологий (в том числе социальных технологий работы с коренными народами, местными сообществами), развитие маркетинга на международном уровне. Большую проблему будет создавать косность и стереотипы мышления (причем как заказчиков так и потенциальных участников кластера) – в этом случае поможет широкое внедрение опыта зарубежных северных стран.

3) медицинский кластер.

Данные кластеры должны интегрировать узкоотраслевые кластеры: научно-образовательный, лесопросмышленный, туристический, агропромышленный.

Развитие кластеров в сфере *нефтегазодобычи, нефтегазопереработки и нефтегазохимии, в горнопромышленном комплексе* является задачей более удаленной перспективы, эти кластеры относятся к числу потенциальных.

Важнейший принцип, который должен быть реализован во внутрирегиональной политике властей округа – это признание колоссальных внутренних социально-экономических контрастов развития муниципальных образований и потому невозможности и неэффективности осуществления единой на весь округ региональной политики. Экономическая неоднородность пространства округа не есть его исключительная черта: она есть объективная особенность всех северных нефтегазовых территорий мира, которые вынуждены адаптироваться к ней и ее учитывать в своей внутренней политике развития.

Эти межмуниципальные социально-экономические контрасты есть следствие, во-первых, неравномерного размещения «даров» природы, и среди них важнейшего – нефтегазовых активов в пространстве Югры; во-вторых, неравномерного распределения городов как не-природных, но очень важных концентраторов современного богатства округа (интеллектуального, информационного, по человеческим, финансовым ресурсам и др.).

Поэтому все механизмы пространственного развития округа обязательно должны быть адаптированы к реальности наличия трех освоенческих зон – нового фронта, староосвоенной и окружного резерва.

Для первой зоны нового фронта важнейший механизм и институт – это государственно-частное партнерство: формирование договоров и соглашений по главным, приоритетным направлениям пространственного развития между окружной/муниципальной властью и крупными нефтегазовыми компаниями, которые ведут освоения нового фронта Югры есть объективная необходимость. В этом институте есть признание, что двумя важнейшими игроками в вопросах пространственного развития здесь выступают крупный бизнес и региональная власть. От их договороспособности зависит устойчивость развития территории и минимизация рисков нового освоения. Другая особенность механизмов здесь – они все имеют районный разрез, районный, ареальный характер – потому что первая зона сложена муниципальными районами или их частями.

Для второй староосвоенной зоны важнейшие игроки пространственного развития – это инновационный малый и средний бизнес, который либо в одиночку, но чаще в субконтракции с крупными компаниями и с такими же, как он,

предпринимателями, при поддержке местной и окружной власти, осуществляет проекты развития этой территории. Вторая зона – городская по своей природе, вот почему основные, самые главные институты, имеют в этой зоне городской характер и приуроченность. Важнейший механизм и институт пространственного развития для этой зоны – это, с одной стороны, государственные структуры поддержки предпринимательства, многие из которых уже имеют пространственное измерение (например, технопарки, особые экономические зоны и др.); во-вторых, это субконтрактинг крупного и малого бизнеса, который обеспечивает консолидацию главных хозяйствующих субъектов данной зоны на ключевых вопросах пространственного развития – как продлить жизнь истощенных месторождений, как реализовать инновационные проекты на территории города и др.

Сегодня при планировании социально-экономического развития необходимо также внедрение новых, гибких институтов территориального развития, направленных на решение частных задач стимулирования социально-экономического развития. Среди них ключевой – это *межмуниципальные ассоциации хозяйственного сотрудничества*.

Межмуниципальные ассоциации – это, по сути, *форма внедрения проектного подхода в сферу территориального развития*. В зарубежных странах именно межмуниципальные ассоциации являются основными инструментами решения многих проблем, охватывающих территорию сразу нескольких муниципальных единиц. В первую очередь, это дорожное строительство, формирование единых транспортных схем и схем мультимодальных перевозок, проблемы удаления и переработки отходов, благоустройство, совместный маркетинг и брендинг входящих в одну городскую агломерацию муниципальных образований.

Подобная схема может быть применена и как одна из мер в рамках содействия развитию территориальных отраслевых кластеров.